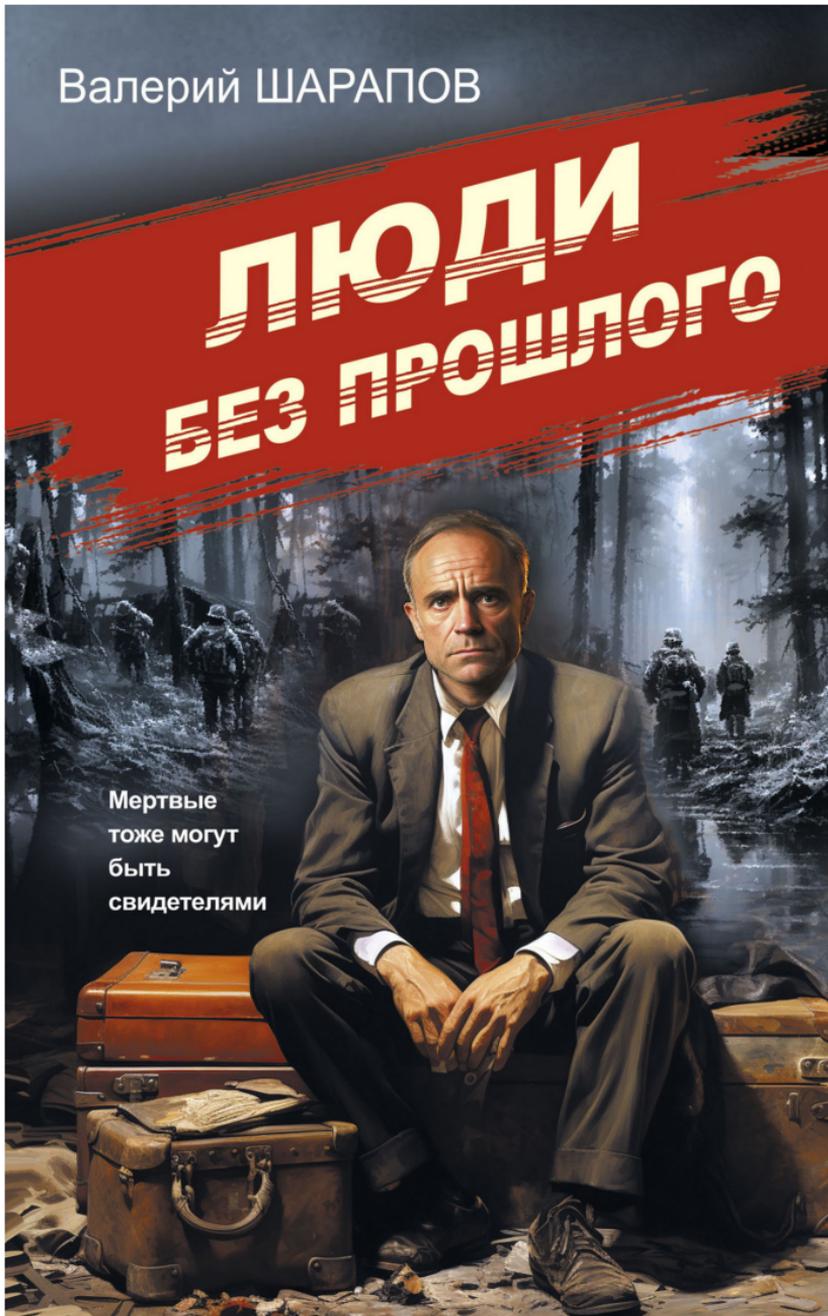

Валерий ШАРАПОВ

ЛЮДИ БЕЗ ПРОШЛОГО

Мертвые
тоже могут
быть
свидетелями

Валерий Георгиевич Шарапов

Люди без прошлого

Серия «Советская милиция. Эпоха порядка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70295716
Люди без прошлого: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-199007-7

Аннотация

Романы о настоящих героях своей эпохи – сотрудниках советской милиции, людях, для которых служебный подвиг – обыденное дело.

1970 год. Размеренную жизнь провинциального Плиевска внезапно нарушает череда жестоких убийств. Все жертвы – малозаметные мужчины, живущие в городке недавно. Именно это и настораживает старшего лейтенанта угро Павла Болдина: чем привлекли убийцу простые работяги? Павел пытается подробнее узнать биографии погибших, но странно – истории их жизни до приезда в Плиевск словно растворяются в тумане... Новым потрясением становится убийство начальника угро. А вот это уже настоящий вызов органам правопорядка! Болдин понимает, что преступник намеренно перешел последнюю черту, за которой уже нет ни правил, ни логики, ни сострадания...

Это было совсем недавно. Когда честь и беззаветная преданность опасной профессии были главными и обязательными качествами советских милиционеров...

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	31
Глава третья	49
Глава четвертая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Валерий Шарапов

Люди без прошлого

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

**СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ**

**ЭПОХА
ПОРЯДКА**

Валерий ШАРАПОВ

**Люди
без прошлого**

МОСКВА
2024

Глава первая

Автобус тряхнуло на повороте – колесо провалилось в рытвину. Выпал бидон из рук задремавшей пенсионерки, покотился по проходу, весело брэнча, – хорошо, что пустой.

– Что же ты делаешь, ирод проклятый! – заголосила старушка – немощная, но обладающая развитыми голосовыми связками. – Да чтобы тебя дети родные так возили! Ни дна тебе, ни покрышки!

– Макарыч, в натуре, зеньки разуй, – пробурчал татуированный небритый товарищ в кепке, надвинутой на глаза. – Ты двадцать лет на маршруте, мог бы и вызубрить эти ямы.

– Пардон, граждане, – засмеялся седой водитель, – задремал малёк. Не было тут никаких ям, видать, «зилок» шальной разбил! Откуда они только берутся?

– Откуда такие, как ты, берутся, – проворчала старушка.

Граждане возмущались, кто-то посмеивался: покотились, дескать, косточки пассажиров. Проворный отрок с копной засаленных волос подхватил бидон, сунул старушке и вернулся на место.

Павел неохотно открыл глаза. Дорогу когда-то закатывали в асфальт, этим ее достоинства и ограничивались. Проезжая часть петляла между скалами, в прорехах между глыбами зеленели леса. Вторая половина августа пока была теплой, почти без осадков. Впрочем, прогнозы на ближайшее будущее

оптимизма не внушали – в средней полосе России обещали проливные дожди с похолоданием.

Встречный самосвал волочил за собой шлейф пыли. Старенький «ЛАЗ» угодил в густое облако – видимость пропала. Водитель сбавил скорость, избегая аварийной ситуации. Пыль развеялась, мелькнул дорожный знак «Гуськи». Потянулись плетни, завалившиеся заборы, яблоневые деревья со зреющими плодами. Деревушка явно не процветала. Проплыла изба сельсовета – над крыльцом развевался красный флаг.

За деревней – информационный щит: «До Плиевска – 12 км».

Болдин машинально глянул на часы. Автобус опаздывал в конечную точку минут на двадцать. Это даже не опоздание – так, задержка. Стих гул в салоне. Сидящая рядом девочка-подросток покосилась на молчаливого соседа и снова раскрыла потрепанных «Красных дьяволят». Родители ее, сидевшие сзади, дружно похрапывали. Настроение не улучшалось.

Павел снова закрыл глаза. Светлая полоса в жизни резко оборвалась, начиналось что-то беспросветное. Где она – безмятежная столичная жизнь? Еще неделю назад он – один из лучших сотрудников московского уголовного розыска, сыщик от бога. Квартира на улице Горького, оставшаяся от почившей тетушки (родители его погибли в вертолетной катастрофе на Камчатке еще пятнадцать лет назад), ува-

жение коллег, масса друзей. Карьерная лестница тянулась в небо, надо было только забраться. Понимал, что это не само произойдет, но от работы не отлынивал. Звание капитана в тридцать лет – в общем, неплохо. Неделю не пробегал с четьрьмя звездами на погонах – все рухнуло в один момент.

Обмывали новое звание в ресторане. Никогда не приветствовал он эти пьянки, а тут расслабился, решил, что можно. Давний завистник старлей Лемулов подливал водку, делался в доску своим. Казалось, что именно он – лучший друг и доброжелатель. Особо пьяным Павел не был, но осторожность потерял. Коллеги разошлись, остались самые стойкие. Возникли представительницы слабого пола. Одна понравилась. Дамам было скучно, пересели к офицерам. Слово за слово, и как-то само поехало. Впоследствии всплывало подозрение, что это Лемулов провел успешную операцию, но доказать это Павел не мог.

Женские глаза запали в душу. Барышня лучилась обаянием, потешно морщила нос. Избегал Павел Болдин случайных связей, но тут бес попутал. Даму звали Мариэттой. «Ваша фамилия случайно не Шагинян?» – туповато шутил Павел. «Фу, какой вы, – смеялась новая знакомая, – Мариэтте Сергеевне 82 года, я так плохо выгляжу? Но в чем-то вы правы, я такая же активная, целеустремленная и иногда пишу стихи».

У остроумной особы было два высших образования. Дальше ничего оригинального: прогулка в парке за рестораном «Рапсодия», такси, помпезный дом на Кутузовском про-

спекте, ночь с восклицательными знаками! Мариэтта была приличной женщиной и, подобно Павлу, пала жертвой. Простились на рассвете, он поспешно сделал ноги, словно чувствовал подвох. Супругом Мариэтты оказался некий генерал-майор, главный инспектор Группы советских войск в Германии. Вернулся из командировки в тот же день и обо всем узнал. Доброжелатели постарались. Скандал был такой, что тряслись стены на Петровке и отдавалось на Знаменке.

1937 год, по счастью, канул в Лету. Но последствия не замедлили сказаться. «Болдин, ты не охренел? – осведомился подполковник Зиновьев, когда Павел явился с объяснительной. – Засунь эту бумажку сам знаешь куда. Что прикажешь – гнать тебя из органов? А ведь еще вчера ты был моим лучшим оперативником... Если честно, я бы лично тебя расстрелял. Зачем мне эти головные боли? Ладно, увольнять тебя не будем, но Москве ты больше не нужен. И звания лишаешься, жди приказа. Теперь ты снова старший лейтенант, прими мои поздравления. И чтобы в ближайшие полгода в столице не появлялся. А там посмотрим. Единственное, что могу сделать, – перевод в Смоленскую область, в город Плиевск. Будешь работать простым опером. У них нехватка кадров, а местную милицию возглавляет мой хороший знакомый Ваншенин Егор Тарасович. Я ему звонил – тебя готовы принять. Исключительно ради нашей дружбы. Либо да, либо нет, другого не будет. Если нет, уходи из органов со всеми вытекающими. Если да... посмотрим, шум уляжется –

когда-нибудь вернешься». «Как же так, Михаил Евдокимович? – голос Павла предательски дрожал. – Я же столичный житель, у меня квартира в Москве...» «Ты прежде всего советский человек, – отрезал Зиновьев, – куда послала Родина, там и приносишь пользу. Семьи у тебя нет, квартиру законсервируешь. По месту службы получишь комнату в общежитии. Можешь приезжать в Москву, но чтобы в Управление ни ногой! Все, иди – и не просто иди, а... сам знаешь».

История вышла пронзительно печальной. С Мариэттой больше не виделись – прошел слушок, что главный инспектор посадил жену под замок. Коллеги сочувствовали, но помощь не предлагали. В принципе отделался легко, могло быть хуже. Увольняться из органов Павел не хотел, прикипел к профессии. Даже интересно стало – что же будет дальше...

Судя по всему, ничего хорошего. 90 километров к западу от Смоленска. Да и сам Смоленск, мягко говоря, не центр вселенной. Информация о Плиевске практически отсутствовала. Райцентр, 20 тысяч населения, не город, не деревня, но места красивые – ельники, черничные боры. С одной стороны – река Каинка, вполне полноводная, приток Днепра, с другой – красивейшее Лебязье озеро в окружении величественных скал. В городе всего две приличные улицы – Пролетарская и Героев Труда, а все прочее – переулки, боковые проезды и тупики. Несколько промышленных предприятий, элеватор. Контингент не особо криминальный, исправительных колоний в округе нет...

Павел приоткрыл один глаз. Татуированный товарищ пялился в окно. Пассажир был явно с биографией, но вел себя мирно, возможно, завязал с прошлым.

Автостанция находилась на восточной окраине Плиевска – не лучшее расположение. Водитель раскрыл двери посреди глинистого пустыря, окольцованного лачугами. Часть пассажиров побежала на остановку – здесь находилась конечная курсирующего по городу маршрута.

Павел не спешил, закинул на плечо спортивную сумку, закурил «Яву» с фильтром. Местечко, как и ожидалось, депрессивное. Частные дома, западнее – двухэтажные бараки. На фасаде одноэтажной автостанции транспарант: «26 сентября – 27-я годовщина освобождения города от немецко-фашистских захватчиков!» Шел 1970-й год от Рождества Христова, которое в Советском Союзе решительно отменили.

Павел двинулся пешком – ноша к земле не тянула. Городские окраины оставляли гнетущее впечатление. Со времен войны тут мало что изменилось. Частные дома сменились бараками, выросли пыльные тополя. Дул прохладный ветерок – предвестие грядущего похолодания. Но сегодня можно было куртку не застегивать.

Городок тянулся с востока на запад. Севернее протекала Каинка, на юге за скалами раскинулось озеро – возможно, единственная достопримечательность города. В частном секторе кудахтали куры и лаяли собаки. С лязгом и копо-

тью работали механические мастерские. Люди озадаченно поглядывали на необычно одетого незнакомца.

За бараками пролегал пустырь со свалкой. Из живых существ – только собаки, все остальные работали или учились. Огибать горы мусора пришлось по проезжей части. Вся страна была такая – и при этом бодро шла к намеченной цели. Антураж красили только лозунги. «Верной дорогой идете, товарищи!» – значилось на воротах текстильной фабрики.

«А я, интересно, верной дорогой иду?» – подумал Павел, беспокойно озираясь.

Обнаружил табличку – «ул. Пролетарская» – и успокоился. За бараками тянулась вереница панельных пятиэтажек. В минувшие 60-е годы их строили везде – от черноморского юга до Крайнего Севера. Можно сколь угодно критиковать эти несуразные постройки с квартирами-клетушками, но жилищную проблему они облегчили. На детских площадках сохло белье, на газонах паслись коровы.

«Так вот она какая – смычка города и деревни», – подумал Болдин.

Центр Плиевска выглядел приличнее. Старые купеческие особняки перемежались зелеными зонами, остался в стороне городской парк, над ним – застывшее «чертово колесо». Работали продуктовые и промышленные магазины. За едой еще не давились, но товарный дефицит чувствовался даже в Москве. Проверять, как обстоят дела в провинции, пока не хотелось. Павел прошел мимо клуба с колоннами, мимо

кафе с фривольным названием «Магнолия», мимо газораспределительной станции.

У трехэтажного здания отдела милиции, облицованного силикатным кирпичом, стояли микроавтобус «РАФ-977» с «милицейской» полосой и «ГАЗ-69» повышенной проходимости. У открытого капота курили люди в форме. Табличка на входе еще не утратила нарядный вид. Их меняли по всей стране два года назад, когда союзное и республиканские министерства охраны общественного порядка переименовали в министерства внутренних дел.

Проникнуть внутрь оказалось несложно. Дежурный изучил удостоверение, сопроводительные бумаги, пальцем показал – наверх. Лишних слов здесь на ветер не бросали. Павел поднялся по скрипучей лестнице, опасно заглянул в полутемный коридор. Кабинет начальства находился недалеко от лестницы.

– Так-так, позвольте догадаться... – проворчал сидящий за столом товарищ, поднимая голову.

– Здравия желаю, товарищ майор, – поздоровался Павел, – капитан... м-м... старший лейтенант Болдин, командирован из Москвы...

– С единственным концертом? – товарищ в форме язвительно ослабил. Он был еще не стар, под пятьдесят, держал себя в форме, но кожа на подбородке одрябла и волос на голове осталось немного. – Насчет командировки – это ты сильно, приятель. Передо мной можешь не стараться. Зино-

вьев звонил, все про тебя рассказал. Ссылный ты, а не командированный... Ладно, не греют меня твои амурные истории, будем знакомы: Ваншенин Егор Тарасович. – Мужчина поднялся, протянул руку. В целом он выглядел весомо и убедительно. – Если ты и вправду так хорош, как расписывал Михаил Евдокимович, можем сработаться. Присаживайся.

В кабинете было прохладно, даже чересчур – все форточки нараспашку. Очевидно, майор милиции не относился к теплолюбивым созданиям.

– На работу примем, люди нам нужны, – бормотал Ваншенин. – Опытные кадры – на вес золота. Не скажу, что город стонет от криминала, но милиция должна быть на высоте, согласен? Можешь оформляться. Пойдешь в отдел капитана Микульчина, это дальше по коридору, не ошибешься. Поселишься в общежитии в Конном переулке... не обращай внимания на название, там раньше работал конезавод, теперь макаронная фабрика. Что кислый такой? Хорошее общежитие, не расстраивайся. Кухня, душ, уборная – на этаже, зато комнаты просторные и стены толстые. Это для начала, посмотрим, как себя покажешь. Есть возможность встать в очередь на квартиру... Совсем ты скис, москвич, – подметил Ваншенин. – Ладно, не буду пугать. У нас страна свободная – всегда можешь в столицу вернуться. Устраивайся, знакомься с коллективом. Столовая – через дорогу. Кормят... нормально, – майор с усилием сглотнул. – Вечером топай в Конный переулок – комендант будет в курсе. Это недале-

ко, бодрой рысью за четверть часа добежишь. Не понравился наш городок? – смекнул майор. – Так он никому не нравится. Ничего, свыкнешься. По центру погуляй, на озеро сходи. Кстати, город скоро не узнаешь. Новый секретарь райкома товарищ Лапиков – чрезвычайно деятельный работник. Под его руководством принята программа благоустройства города. И даже средства выделены. Будем приводить Плевск в порядок – свалки убирать, дороги в асфальт закатывать. Ладно, иди, – Ваншенин засмеялся, – а то расплачешься, а мне тут плаксы не нужны...

В просторном помещении, уставленном канцелярскими столами, гулял ветер, шевелил бумаги, едва закрепленную на стене карту района. Здесь не то что форточка – целая фрамуга была нараспашку. В углу возвышался сейф, со стены строго взирал основатель ВЧК, с обратной стороны – молодой и чернобровый Леонид Ильич Брежнев, генеральный секретарь ЦК КПСС (в общем-то, и в жизни не старей). В комнате находился единственный сотрудник – молодой паренек с узким лицом, ушастый и в очках.

– Добрый день, – поздоровался Павел, прикрывая дверь.

Сквозняк был такой, что без усилий не получилось. Молодой человек поднял голову, вздохнул. Пришелец был подтянут, аккуратно пострижен, одет необычно – в провинции зарубежная джинса была в диковинку.

– Добрый, – согласился молодой человек. – Хотя под каким углом посмотреть. Вы пришли сознаться в преступле-

нии?

– Нет, – покачал головой Павел.

– А, понимаю, вы сын лейтенанта Шмидта, – догадался сотрудник. – Но это не к нам, это в исполком, а мы бедные.

– Снова не угадали. Болдин моя фамилия, старший лейтенант Болдин Павел Викторович, буду работать в вашем отделе.

– А, вы тот ссыльный, которого... – молодой человек не закончил, выразительно кашлянул. – Сочувствую, Павел. Про вас уже рассказали... извините. Располагайтесь, будьте как дома. Свободный стол вон там, – он кивнул на девственно чистый канцелярский стол в углу. – Только осторожнее, верхний ящик выпадает. Максимов вчера решил проверить, не осталось ли чего от вашего предшественника, так ему палец защемило.

– Спасибо, что предупредили... – стул под пятой точкой качнулся и издал подозрительный хруст, словно намекнул: не засиживайся. Верхний ящик Павел сразу вынул и пристроил за шторой – хватит двух.

– Закрою? – Болдин кивнул на окно.

– Зачем? – не понял молодой человек.

– Холодно.

– Ну, закройте, – парень пожал плечами. – Мы часто проветриваем. На свежем воздухе лучше думается.

– Есть о чем подумать? – Рассохшаяся рама с треском хлопнулась, задребезжало стекло.

– Конечно, – удивился молодой человек. – Мы же работники умственного труда. Некоторые считают, что оперативника ноги кормят, но это не так. Прежде подумай, а потом уж бегай. Чайкин, Борис, лейтенант милиции, – сотрудник снял очки и устремил на нового работника подслеповатый взгляд. – Деньгами не богат, товарищ? Обещаю, в получку отдам. Получка в пятницу, через четыре дня. Дотянуть бы на бреющем...

«Мальчик из бедной еврейской семьи», – сообразил Павел, нашаривая купюры в кармане джинсов. В провинции таких встретишь не часто, но все бывает, места под солнцем жестко расписаны.

– Пять рублей хватит? – Павел извлек сиреневую купюру с изображением Спасской башни Кремля.

– Ух ты! Балуете, – восхитился Чайкин, выбрался из-за стола, прибрал пятерку и вернулся на место, сделав лицо погорельца. – Зарплата у нас, конечно, хорошая, но маленькая, вечно не хватает. Когда отменят наконец эти деньги? Что слышно в Москве?

Вопрос, кстати, был архиважный. Деньги обещали отменить при коммунизме – как абсолютно ненужное звено между человеком и товаром. А до коммунизма оставалось десять лет – так сказали на XXII съезде КПСС. В историческом плане – просто секунда. Восторжествует социальная справедливость, каждый будет отдавать по способностям, а получать по потребностям.

– В ближайшей перспективе деньги не отменят, плохо работаем. Давно в этом городе, Борис?

– Давно, – вздохнул Чайкин. – Учился в Пскове, прокурором хотел стать, да не сбылось. Родители умерли, от бабушки ушел... У меня такая, знаешь, бабушка, – Борис заулыбался, – ей бы в гестапо работать. Потом женился, до Смоленска не доехал, задержался в Плиевске... В общем, непонятно все, – заключил Борис. – Без бутылки не разобраться.

– Понятно, что непонятно, – улыбнулся Павел. – Ничего, жизнь наведет порядок. Что по работе? Серьезные дела бывают?

– А как же, – Чайкин засмеялся. – Все вот ушли, сижу на телефоне, работаю. Нужно было книжку взять, да Микульчин ругается... это наш начальник отдела. Рутинка у нас, – признался Борис. – Не Москва, где страсти кипят. Убийства только бытовые или мужики по пьяни чего не поделают. Банды не орудуют – на чем им тут пожить? Беглые зэки не лютуют – до ближайшей колонии верст двести с гаком. Тоска, поручик... Драки, поножовщина, семейные дразги, доходящие до рукоприкладства. Не только мужики своих избранниц дубасят. На той неделе гражданка Протасова так отделала мужа сковородкой, что чуть череп не раскроила. Мужик до автомата кое-как доплелся в милицию позвонить. Seriously, чуть не убила своего благоверного. И было за что – этот утырок всю зарплату пропил. Вообще всю. Стоило бабе к сестре на пару дней уехать, так он закатил пир

горой со своими дружками...

– Арестовали бабу?

– Не стали, все правильно сделала. К черту мужскую солидарность. Гнать таких надо из семей... или сковородки о них ломать. Вся лестничная площадка Протасовой аплодировала. А мы народная милиция – не можем пойти против народа, соблюдаешь? Ну, погорячилась, бывает. Мужик-то жив. Нам интересно даже стало – где она так драться научилась? Микульчин предложил ей пару уроков операм преподать – показать, как надо обезвреживать хулиганов... А больше и вспомнить нечего. – Чайкин устремил задумчивый взгляд в потолок. – Девятого числа кассу на ремонтном заводе пытались взять – аванс привезли и оставили на ночь, дураки... Но дилетанты попались: сейф поковыряли, вскрыть не смогли, а связанный сторож прекрасно слышал, как они друг друга по именам называли. Потом и взяли по его показаниям: троих молодчиков-тунеядцев из деревни Быково. Дурачье, короче. В школе плохо учились, иначе знали бы, что сейф стамеской не вскрывают и пилкой по металлу его не возьмешь. Теперь зона всему научит... 15-го числа квартиру взломали на Героев Труда – нормальная трехкомнатная квартира, последний этаж. Забрали меховые изделия, деньги, ювелирку... и по крыше ушли. Явно залетные, по наводке орудовали. Сработали умно, ни следов, ни свидетелей. Пострадавший – замдиректора свинокомплекса Ракитин, в прошлом проходил свидетелем по делу о хищении

ях. Жаль, не подозреваемым. А еще в Игнатьевском переулке некую бабу Женю повязали, – Чайкин оживился, – энергичная старушка, продает самогон собственного изготовления – первосортный, между прочим... по свидетельству тех, кто пил. Сколько раз ее накрывали, изымали товар, проводили разъяснительные беседы, а она ни в какую. Пенсии, говорит, на безбедную жизнь не хватает. В общем, самогон реквизируют, сделали последнее предупреждение. Жалко ее, 84 года бабке, рассказывала, как с Котовским в одной тачанке каталась...

– Да, не Москва, – констатировал Павел. – А за этим столом кто работал? – он осторожно постучал по столешнице.

– Нет его больше, – охотно отозвался Борис. – Скончался дорогой товарищ, Малышев Виктор Семенович. На этом месте его инфаркт и подкараулил. Сидел, работал, ничто не предвещало, вдруг голову уронил, задержался... Вдвоем мы с ним были – как с тобой сейчас. Только ты живой, а он нет. Месяц назад случилось. Хороший человек был, только пожилой уже, возглавлял нашу первичную партийную организацию. В РОВД 12 человек – члены КПСС. Напрягся ты что-то, Павел, – Чайкин прищурился. – Не бойся, место не проклято, ну, помер человек, с кем не бывает...

– Со мной еще не бывало... Слушай, а Микульчин скоро придет? Рабочий день в разгаре, это ничего?

– Эй, поосторожнее, – забеспокоился Чайкин. – А то и впрямь придет. Был уже с утра, потом в больницу побежал.

Нездоров Константин Юрьевич, язва не дает покоя, ходит через день на процедуры. Обычно вечером, но сегодня – вот так, с утра.

Отворилась дверь, тяжело ступая, вошел мужчина – жилистый, сухой. Он был еще не старый, лет пятидесяти. Жесткие волосы были тщательно выстрижены, помечены мазками седины. Чайкин укоризненно глянул на Павла: ну, и зачем спросил?

Обнаружив в комнате постороннего, мужчина нахмурился. Болдин поднялся.

– Это тот самый, товарищ капитан, – скупое пояснил Чайкин. – Вроде нормальный, не заносчивый, как все москвичи.

«А вы со всеми москвичами знакомы, товарищ лейтенант?» – чуть не сорвалось у Павла с языка.

– Разберемся, – у начальника отдела был неспешный хрипловатый голос. Обменялись рукопожатием, Микульчин направился к столу в центре комнаты. Проблемы со здоровьем были видны невооруженным глазом. Человек тяжело ходил, плохо дышал. Когда садился, не сдержал гримасу боли.

– Все в порядке, Константин Юрьевич? – участливо спросил Чайкин.

Микульчин отмахнулся:

– Нормально. Где все?

– Работают, товарищ капитан. Ну... так они сказали. Чекалин пошел опрашивать свидетелей драки на Мостовой.

Максимов на пристань убежал – там ЧП.

– Ладно... – Микульчин хмуро уставился на новенького. В глазах начальника отдела застыла затаенная печаль. – Значит, ты у нас Болдин, которого так расхваливал Ваншенин... Понял уже, что это не Москва?

– Понял, товарищ капитан.

– В партии состоишь?

– Нет, товарищ капитан.

– Надо состоять, товарищ старший лейтенант.

– Понимаю, товарищ капитан. Разрешите не сегодня?

Не готов еще.

Хрюкнул Чайкин – и тут же сделался серьезным, даже озабоченным.

– Вижу, что не готов, – взгляд начальника скользнул по потертой джинсовой ткани. – Ладно, живи пока, посмотрим, что ты из себя представляешь. Уже устроился?

– Нет, Константин Юрьевич, только прибыл – и сразу сюда.

– Один, без жены?

– Чтобы она ему всю ссылку испортила? – хихикнул Чайкин.

– Не женат, товарищ капитан.

– Ну, конечно, не сообразил, – Микульчин тяжело вздохнул, стал перебирать папки на краю стола.

«Я же здесь со скуки подохну», – тоскливо подумал Болдин.

Срочными делами, от которых зависит судьба страны, отдел явно не перегружен. Мог бы уйти в работу – но нет. И чем глушить тоску по утраченному? Алкоголем? Рано еще, да и нет подобного опыта.

Отворилась дверь, ворвался крепыш с широкой физиономией и густыми волосами. Модные баки сползали по вискам почти до скул. Жилетка и клетчатая рубашка смотрелись еще ничего, а вот пижонские туфли с острыми носками – хуже некуда. Провинциальная мода была сурова, как сибирская зима.

– Представляете, товарищ капитан, на Каинке потерпел крушение прогулочный теплоход! – объявил крепыш. – Из Бакатино к Днепру шел. Народа на борту – полно. Экспедиция какая-то, дачники, просто отдыхающие. Аккурат напротив нас и наворачнулись.

– Это как? – не понял Микульчин. – Как на нашей Каинке можно наворачнуться?

– Ну, не то чтобы совсем, – смутился парень в безрукавке, – сошли с фарватера, сели на мель...

– Ошибка пилотирования, – подсказал Чайкин.

– Точно, – согласился крепыш. – А еще закусывать надо при управлении крупногабаритными плавсредствами. В общем, теплоход брюхо пропорол, но по инерции двигался дальше, с мели сошел – и к причалу... Пока дошел, тонуть начал. Народ – в панику, кто на причал перепрыгивает, кто в воду сигает – а потом вплавь до берега... Полностью не за-

тонул, глубина небольшая, но осел основательно. Теперь торчит на причале – картинка, я вам скажу. Спасательная команда из береговой конторы прибыла, давай людей с теплохода эвакуировать... В общем, все живы, особо пострадавших нет, но есть крупный материальный ущерб – целый теплоход. Просто так его не вытащишь, пробоину надо чинить, воду откачивать. Теперь у нас, как в Севастополе, есть собственный памятник погибшим кораблям. Максимов, – оперативник сунул Павлу широкую ладонь, – Владимир Максимов, старший лейтенант, оперуполномоченный. А ты тот самый, о котором все уши прожужжали? Ну, как вам новость, мужики?

– А что, незабываемо, – оценил известие Чайкин. – Такую прогулку на всю жизнь запомнишь.

– Прокурорские работают, – добавил Максимов. – Пока не выяснят обстоятельства, никого не отпустят. Членов команды, конечно, задержат, капитана точно посадят, даже если не виноват, у руководства порта приписки будут крупные неприятности...

– Хорошо, что без жертв, – крикнул Микульчин. – Наши люди там нужны?

– Перебьются, – махнул рукой Максимов. – Халатность – не по нашей части, сами разберутся. Интрига в том, что делать теперь с теплоходом? Не оставишь же его на вечном приколе – тогда причал передвигать придется. Будут латать, потом буксировать в Смоленск – больше некуда. А это по ре-

ке – сто верст.

– Надо же, – задумчиво вымолвил Микульчин. – Не припомню, чтобы у нас подобное происходило.

Все присутствующие задумчиво уставились на нового сотрудника. Стало неуютно.

– Это не я, – сказал Павел.

– Но до тебя этого не было, – сказал Микульчин.

Снова растворилась дверь, объявился еще один персонаж – лет тридцати с хвостиком – худой, лысоватый, одетый в обтягивающую водолазку и распахнутую ветровку. Буркнув «здрасьте», направился к единственному не занятому столу, остановил туманный взгляд на незнакомце. Включилась память, пожали руки, сотрудник отправился дальше.

– Старший лейтенант Чекалин Геннадий Тимофеевич, – представил стороны Чайкин, – и старший лейтенант Болдин Павел... как тебя по бабушке?

– Викторович.

– Я понял, – буркнул сотрудник. – Как там столица?

– Спит спокойно, – пожал плечами Болдин.

– Дымком потянуло, – зашмыгал носом Борис. – Шашлыки жарил, Геннадий Тимофеевич?

– Если бы, – огрызнулся Чекалин. – Пожар на деревообрабатывающем комбинате, не слышали еще? Я свидетелей по драке опрашивал – они в палаточном городке обитают, возвращался в город... ну и, знаешь, командир, не смог проехать мимо. Дым такой, словно ядерная бомба рванула.

Народ через лес удирал, дышать там нечем... Возгорание у столярного цеха – эти умники там покрышки от грузовой автотехники складировали. Вот же додумались... Хотя все мы задним умом крепки. Окна нараспашку, вылетела искра от шлифовального круга. Пожарку до последнего не вызывали, директор запретил, орал, чтобы сами тушили. Думал, обойдется. Да и звания передового производства можно лишиться, не говоря уж о прочих прелестях, например тюрьме... Работяги так и бегали с ведрами, пока разгоралось. Потом ветерок подул, огонь на соседнее здание перекинулся. Бухгалтер не выдержал – ударил в набат... Когда пожарники приехали, столярный цех почти полностью выгорел, соседнее здание – наполовину, несколько человек по скорой увезли – надышались дыма. Теперь хана всему руководству предприятия. Не представляю, как будут восстанавливать сгоревшие цеха и оборудование – это какие же колоссальные убытки!..

– Вот же незадача, – проворчал Микульчин. – Два ЧП за один день – многовато.

И снова, не сговариваясь, все посмотрели на Болдина.

– Что? – разозлился Павел. – Пожар – тоже моя работа?

– Я что-то пропустил? – заволновался Чекалин.

– Вестник несчастья у нас объявился, – пояснил капитан.

Обсудить необычную новость коллективу не дали. Распахнулась дверь, показался нос дежурного по РОВД с лейтенантскими погонами.

– Константин Юрьевич, трубку поправьте, до вас опять не дозвониться. Драка в общежитии на Васильковой улице, вахтер позвонил. Все наряды заняты, так что решайте сами, – дверь с сухим треском захлопнулась.

Микульчин удивленно посмотрел на телефонную трубку. Действительно, лежала криво. Осторожно приподнял ее и снова опустил.

– Так, Чекалин и Чайкин остаются в отделе, остальные на выезд. Болдин, тебя это тоже касается.

Глава вторая

Микроавтобус «РАФ-977», производимый в стране с 1959 года, уверенно покорял городское бездорожье. Грязь в переулках высохла – ни разу не застряли. Водитель от РО-ВД был молчаливый, задумчиво кусал собственные усы.

Микульчин, морщась при каждой встряске, объяснял: в городе два общежития, одно на Васильковой улице, другое в Конном переулке. И то, в котором поселят Павла, считается приличным. Фактически – гостиница, но без сервиса, разумеется. В Конном переулке селят командированных, сотрудников милиции, прокуратуры – там безопасно и в чем-то даже комфортно. Общага на Васильковой имеет дурную славу, туда частенько вызывают наряды. Раньше общежитие принадлежало кирпичному заводу, имело, как баня, два отделения – мужское и женское. Сейчас туда селят всех подряд – работников текстильной фабрики, пиломатериалов, лесозаготовок, того же ДОК, где произошел пожар. Не оперское это, конечно, дело – выезжать на каждую драку, но сегодня никого не найти – два ЧП в городе.

Облупленное здание из красного кирпича притаилось в глубине переулка. Напротив – булочная, там разгружался фургон с хлебом. Аварийное строение пряталось за пыльными тополями. В разгар рабочего дня в общежитии было пусто. Пахло чем-то кислым. Вахтерша не спала, сидела

под плакатом, призывающим соблюдать чистоту, заправлять постель и следить за умывальником.

– Что случилось, гражданка? – отдуваясь, спросил Микульчин, махнув удостоверением.

– Ой, вы уже приехали! – всполошилась вахтерша. И зачастила, срываясь на высокие ноты.

Минут двадцать назад это произошло. Жилец из 22-й комнаты вернулся с ночной смены – он на пилораме работает, а сам приезжий, она не помнит, откуда. Мрачноватый, но тихий, всегда здоровается, хотя и сквозь зубы. А двадцать минут назад пришли двое – не самой располагающей внешности: небритые, в кепках. Вошли – и сразу на лестницу. Она им в спину: «Вы куда, товарищи?» Один огрызнулся, мол, кобыла тебе товарищ, и без остановки проследовали наверх. Сталкиваться с грубостью вахтерше приходилось постоянно – привыкла. И то, что шастают туда-сюда, нарушая правила социалистического общежития, – тоже как будто норма.

Через пять минут они стащили вниз товарища из 22-й комнаты. Фактически гнали, а тот огрызался, пытался защищаться. Вырвался, хотел бежать, но его догнали, опять схватили. Мужики были крепкие, моложе жильца. Проходя мимо вахтерши, прервали рукоприкладство, просто толкали мужика. Тот мог бы обратиться за помощью, попросить вызвать милицию, но почему-то не стал. «Шевели копытами», – процедил один, выталкивая человека на улицу. Тот оступился, но устоял.

Вахтерша была ответственная, тут же позвонила в милицию. За мужиками не побежала, нельзя покидать пост. Драки в общежитии случались, контингент проживал соответствующий. Отношения выясняли на заднем дворе – местечко закрытое, уединенное. Туда, видать, и повели сердешного. Прошло несколько минут. Жилец из 22-й комнаты вернулся с улицы, злой как собака, под глазом – синяк, с губы сочится кровь. Прихрамывал, держался за отбитые ребра. Огрызнулся на женщину, предложившую помощь, грузно потопал наверх. Граждане в кепках больше не объявлялись.

– Хорошо запомнили эту парочку? – спросил Павел. – Можете их описать? Опознаете, если покажут?

– Ой, не знаю, – испугалась пожилая женщина. – Я их толком даже не разглядела. Лет под тридцать, такие... знаете... щетина торчком, козырьки на глазах. Они отворачивались, чтобы я их не запомнила. У одного наколка на обратной стороне ладони: буквы какие-то... В нашем общежитии таких проживающих нет, заявляю ответственно. И на жителей города они не похожи, не знаю, как вам это объяснить...

Опер Максимов изнывал от скуки, с трудом справлялся с зевотой. Все это было, было... Пострадавший жилец больше не выходил. Отправились наверх – справиться о здоровье, составить протокол об административном нарушении.

22-я комната находилась на втором этаже, в глубине коридора. Максимов ударил кулаком по двери. Думать не о чем, процедуры стандартные. За дверью что-то упало, пока-

тилось. Донесся грозный рык. Войти не пригласили. Дверь толкнули, вошли без приглашения – запереться постоялец забыл. Это оказалось ошибкой.

Человек, проживавший в комнате, явно имел проблемы с психикой. Как был, в тельняшке и домашних трико, кинулся, схватил табуретку, метнул в непрошенных гостей, даже не спрашивая, чем обязан. Микульчин словно чувствовал неладное, спрятался за косяком в коридоре. Павел ахнул, оттолкнул Максимова, сам едва успел пригнуться. Табуретка просвистела над головой, вписалась в дверной проем, разбилась о стену в коридоре. В первое мгновение оперативники оторопели – добрый оказался молодец, есть еще силушка! Пылали воспаленные глаза – явное состояние аффекта. Жилец разочарованно вскричал, бросился в драку. Павел оттолкнулся от пола, ушел под руку, провел резкую подсечку. Нападавший потерял равновесие – просто толкнул его. Жилец отскочил от стены как резиновый мячик, снова бросился в бой. Кулак нашел свою цель, противник крикнул, схватился за скулу и рухнул на колени. Попытался подняться, но Павел вывернул ему руку, швырнул драчуна носом в стену.

– Гражданин, ты охренел? Что творишь? Милиция, прибыли по вызову...

– Мужики, стоп, обознался... – задергался пострадавший. – В натуре, обознался, виноват... Думал, эти вернулись...

– Издеваешься? – Павел рывком развернул буяна, прижал

к стене. – Зенки забыл промыть? Мы похожи на твоих приятелей?

– Да не приятели они мне... – мужик обмяк, прошла агрессия. – Серьезно – обознался, простите... Туман в голове, даже не понял, кто вошел... Вы бы хоть крикнули, что из милиции...

Такого действительно не кричали. Осторожно переступил порог капитан Микульчин, осмотрелся. Особых изысков в интерьере не было: голые стены, голый пол, ободранный потолок, с которого свисала примитивная люстра. Из мебели только необходимое – шкаф, стол, несколько стульев. Две кровати напротив друг друга. Мужчина тяжело дышал, тарасился исподлобья. Он был не молод – далеко за сорок. Обычное сложение, избыток щетины на щеках, недобрые колючие глаза.

– Дурак ты, товарищ, – покачал головой Максимов, бросая на Павла благодарный взгляд. – Дури полная голова, табуретками швыряешься, как снежками. Понимаешь, что загремел бы на полный срок, если бы попал? Ты уже под статьей за нападение на сотрудников правоохранительных органов.

– Да не знал я, что вы из милиции, – огрызнулся гражданин. – Обознался, за других принял. Попросил ведь прощения.

– А мы не господь бог, чтобы прощения раздавать, – вкрадчиво сказал Микульчин. – Нарушил закон – отвечай.

Ладно, проявим к тебе великодушие. Радуйся, что никто не пострадал. Паспорт есть?

– Вон в куртке...

– Так неси. Нам, что ли, бегать?

К документам гражданин относился бережно, хранил паспорт в кожаных корочках. Микульчин изучил содержимое документа, пролистал несколько страниц, передал книжицу Болдину. Бобров Николай Федорович, русский, 1923 года рождения, ни жены, ни детей, прописан в Брянской области, село Луговое. Ничего особенного или необычного. Максимов вышел в коридор, вернулся с разбитой табуреткой и закрыл за собой дверь.

– Порча казенного имущества, гражданин Бобров. На червонец ты точно налетел.

– Один здесь живешь? – спросил Микульчин.

– Ну, один, – проворчал Бобров. – Вернее, двое нас, только Витька на родину уехал, в Тамбовскую область. Тетка, кажется, померла.

– Сам из-под Брянска?

– Там же написано.

– А здесь чего забыл?

– Чего, чего... работаю... – Бобров отвел глаза. – Старшим смены на пилораме. С ночи вернулся, отдохнуть хотел.

– Тут больше платят, чем на Брянщине? – В глазах Микульчина заблестела ирония.

– Мужики, ну че пристали? – выдохнул гражданин. –

Я вам что, преступник? Меня самого сегодня отметелили, не я же их...

– А вот здесь с деталями, – оживился капитан. – И не ври, товарищ Бобров, а то скользкий ты тип, от ответов увиливаешь. Кто на тебя напал? Что за мужики вытащили тебя из общаги и отмудохали на заднем дворе? Давай как на духу. Ты же хочешь, чтобы мы их наказали?

Самое интересное, что гражданин Бобров этого не хотел. Он мечтал лишь об одном: чтобы его оставили в покое. Но хамить в открытую побаивался, сочинял небылицы, сохраняя, впрочем, толику правдоподобия. Он мирный человек, никому не вредит, приехал на заработки – деньги нужны, чтобы дом в Луговом достроить. Нет за ним ничего, хоть у кого спросите, на работе план гонит, начальство довольно. Спиртное не употребляет (где вы видите хоть одну бутылку?), баб не водит – да и как поводишь с таким комендантом? Откуда он знает, кто на него напал и что хотели, у них лучше спросите! В комнату ввалились, давай страшать, собирались прямо здесь разобраться, потом передумали: полная горница людей, давай выйдем, там поговорим. Вывели на задний двор, а там просто гиблая яма – место в принципе не посещаемое. Избили, суки, хорошо хоть не до смерти...

– Обознались, говорите, товарищ Бобров? – хмыкнул Павел. – Теоретически возможно, скажем, люди слабовидящие или получили недостоверную информацию. Но это же не ваш случай. Давайте правду, Бобров, мы найдем ваших

обидчиков.

– Найдете, как же, держи карман шире... – проворчал пострадавший, опуская глаза. – Ладно, значит, так было дело...

И понес явно снятую с потолка историю: рыбачил на днях за излучиной Каинки – ну, любит он это дело, пиво попивал. Две бабы мимо гуляли – ничего такие, хотя бывало и лучше, давай с ним заигрывать. Познакомиться решил со светленькой, да руки перестарались – та в отказ, убежала. Потом машина за ними пришла, мужики – те самые, что сегодня приходили. Пожаловались, видно, на него. Ну, Бобров и поспешил свалить, пока до греха не дошло – перебрался на другое место. Один в поле не воин и все такое. Ну, те, видать, и выследили...

– Не хочешь ты нам помогать, товарищ, – покачал головой Микульчин. – Врешь и не краснеешь.

– Ну и ладно, – фыркнул Максимов. – Нам же меньше работы.

– Мужики, да что я незаконного-то сделал? – гнул свою линию пострадавший. – Ну, перепутал малость, за других вас принял...

– Что скажешь об этой персоне, старлей? – спросил Микульчин, когда, оставив жильца в покое, оперативники вышли на улицу.

– Не пьет – значит, подозрительный тип, – опередил Максимов. – Чтобы нормальные люди да не пили – не смешите мои тапочки. Шпион, наверное. А ты молодец, Павел Викто-

рович, избавил товарища от преждевременной пенсии по инвалидности. Премного благодарен, с меня причитается.

– А с тобой вообще не разговаривают, – проворчал Микульчин.

– Врет он – и ежу понятно, – сообщил Болдин. – Что в голову пришло, то и чешет. Не хочет, чтобы мы искали этих ребят. Причин тому – миллион и маленькая тележка.

– Что-нибудь еще заметил?

– Не без этого, Константин Юрьевич. Вы и сами, поди, заметили. Паспорт выдан три года назад, в 67-м. А 45 Боброву исполнилось только через год – в 68-м. Досрочно выдали – за красивые глаза? Может, потерял, конечно, предыдущий. Документ сравнительно новый, пожулькать не успел, в корках бережно хранит. Паспорт, кстати, подлинный – посмотрелся я в Москве на липовые ксивы...

– Может, сидел, – пожал плечами Микульчин. – Дело обычное, у нас полстраны сидело. Вышел со справкой, потом выдали незапятнанный паспорт гражданина СССР.

– Может, и сидел, – допустил Павел. – Но ни одной наколки. Может, под одеждой бережно хранит, но... сами понимаете, не та у нас публика, чтобы прятать свои татуировки. Вернемся в общагу, Константин Юрьевич? Тряхнем, пусть расскажет о себе, заодно поделится, во что влип?

– Да ну его к лешему, – отмахнулся капитан. – Не хочет откровенничать – и бес с ним. Прав Володька – нам же меньше работы. У всех свои тайны. У тебя, что ли, их нет? – Ми-

кульчин пытливо посмотрел в лицо Павла. – Предъявить ему нечего – сторона, как ни крути, пострадавшая. Нападение на сотрудников можно простить – видел его рожу, когда табуретку швырял? Не соображал, что делает. Хватит на сегодня, возвращаемся в отдел. «Гостиницу» свою еще не видел? Так топай, обживайся. Утром на работу не забудь, тут тебе не Москва, прогулы не любят...

Крайнюю нужду Павел не испытывал. В столице получал неплохо плюс премии за успешную раскрываемость, всякие тринадцатые зарплаты. Часть денег откладывал на сберкнижку – словно чувствовал, что придет этот день. Когдастряслось, часть денег снял со счета, взял с собой. Остальные дал себе слово не трогать – пусть лежат. Политикой старался голову не забивать, слепо верил во все, что пишут газеты и говорит телевизор, но все же испытывал сомнения, что через десять лет отменят деньги.

Зарплата оперативника в Плиевске была вдвое ниже столичной. Это печалило. Но надо выстоять, продержаться хоть несколько месяцев, прежде чем идти на поклон к полковнику Зиновьеву.

Павел остался один во дворе горотдела. Покурил, потом потащил свои пожитки в столовую через дорогу. Заведение работало до девяти вечера, обслуживало всех желающих. Сотрудников милиции, как поведал по секрету Максимов, обслуживали лучше. А эти сотрудники, в качестве ответной

услуги, уделяли чуть меньше внимания трудовой деятельности их директора.

Служебное удостоверение столичного оперативника (увольнения не было, сделали перевод) внушило работникам столовой уважение. Котлета была «малосольной», пюре – жидковатым, но в целом съедобно. Ужин сопровождался любезными улыбками персонала и ищущими взглядами. Сидящая на кассе дамочка даже не засмушалась – всего оглядела. Что при этом представляла, читалось по ее глазам. Так низко оперативник уголовного розыска еще не падал.

Павел быстро поел и покинул заведение. «Ничего, ты еще вернешься», – говорил красноречивый взгляд в спину.

Трубным переулком Павел выбрался к Лебяжьему озеру. От центра города по прямой здесь было десять минут ходьбы. Солнце зашло, но темнело медленно. Природа плавно погружалась в вечерний транс. Расступились скалы, образовался пологий спуск к воде. Озеро было чертовски живописным. Сюда приходили люди, отдыхали. В сезон, видимо, купались, проводили на озере выходные. Даже сегодня здесь было многолюдно: бегали дети, прохаживались парочки. Вода казалась застывшей, неподвижной – ветер отсутствовал. Чернели камни на дне. Лебяжье озеро имело вытянутую овальную форму и простиралось в длину на пару верст и метров восемьсот в ширину.

Павел отошел в сторону, закурил на каменной плите. В пределах городской черты это было единственное место,

где можно было беспрепятственно подойти к воде. Слева возвышались скалы – причудливые, какие-то многослойные, словно нанизанные друг на дружку. Серые махины грудились у самой воды. Возможно, там имелись проходы, но пока территория оставалась необследованной. К скалам подступали хвойники, занимая приличную площадь между водоемом и городом. Очертилась в голове карта Плиевска: в этот бор упирались Рыбачий и Приозерный переулки. Справа от пляжа тоже возвышались скалы – но уже не такие интересные. В темнеющем небе на западной оконечности озера угадывался строительный кран – там завершалось возведение санаторного комплекса.

Можно было сидеть бесконечно, наслаждаясь покоем и природными красотами. Но уже холодало и темнота сгустилась. Народ стал расходиться. Павел тоже засобирался, втоптал в песок окурок, повесил сумку на плечо.

Общежитие в Конном переулке имело опрятный вид – по крайней мере, с фронтальной части. Вахтер изучил предъявленные бумаги, посмотрел на часы и укоризненно покачал головой, открывая журнал.

– Вы вроде из Москвы, молодой человек, а совершенно не знаете, что такое дисциплина. Комендант вас ждал, но вы не удосужились. Вам оставили ключ, держите. Комната 312 на третьем этаже. Вселяйтесь самостоятельно.

– Так я не маленький, – Павел улыбнулся, забрал ключ и пошел наверх.

«Апартаменты» достались одноместные. Для полной тоски не хватало только соседей. Туалет и душ находились в конце коридора.

Он отыскал настенный светильник. Могло быть и хуже. Односпальная кровать, кое-какая мебель, на входной двери – правила распорядка с орфографическими ошибками. Входную дверь слепили из прессованной стружки – прекрасно слышно, что происходит в коридоре.

Павел пошатался по комнате взад-вперед, как запертый зверь, покурил у открытой форточки. Потом высыпал на кровать содержимое сумки, стал перебирать вещи. Видимо, не доходило, что все всерьез, взял только самое необходимое. Остальное – либо здесь докупать (что будет смешно), либо ехать в Москву и возвращаться с полными чемоданами. 90 верст до Смоленска, там еще 400 – пустяк, товарищ старший лейтенант...

«Буду упрощаться», – решил Павел и стал раскладывать вещи по полкам.

Телевизор отсутствовал, не было даже радиоточки. И как-то не верилось, что по утрам здесь разносят свежие газеты. Будильника тоже не было – не подумал. Но это не страшно – пусть будят дела, а не будильник. Постельное белье не мешало бы просушить. Ком стоял у горла, когда он забирался под суровое казенное одеяло. Настала твоя Болдинская осень, товарищ старший лейтенант Болдин... Приготовился полночи ворочаться, гнать воспоминания, но странное де-

ло – уснул почти мгновенно...

Утром бегал, пытаясь согреться, от одного туалета к другому. На этаже их было два – в разных концах коридора, как в вагоне поезда. Один постоянно запирался «проводником», в другой выстраивалась очередь. Зато в душ проник почти беспрепятственно – с полотенцем на плече и зубной щеткой во рту. Только заперся – в дверь забарабанили. Вода текла едва теплая, имела «мыльную» консистенцию, кафель на полу был изъеден рыжими пятнами. Но это не имело значения – все худшее уже случилось, остальное не важно. На кухню явился с собственной кружкой и пачкой чая, долго возился с газовой плитой, чтобы добыть голубой огонек.

– Какой хорошенький... – шушукались за спиной дамы бальзаковского возраста. – И одевается элегантно...

Пока они ждали милости от природы, не лезли знакомиться, но поглядывали с любопытством. Губы устали изображать любезную улыбку. Такое чувство, что он приехал в Иваново – город невест. «Может, квартиру снять? – мелькнула интересная мысль, – Денег будет меньше, зато покоя больше».

Дамы продолжали шушукаться. Одна осмелела, предложила «молодому человеку» сахар, печенье. Павел поблагодарил – чай он пьет без сахара, а печенье не ест, врачи не разрешают. И вообще, он опаздывает на работу.

У окна в коридоре курили двое. Один был молодой, дру-

гой в возрасте. Последний тяжело дышал, жаловался на проклятую одышку. Но при этом курил и явно не видел связи между никотином и здоровьем.

– А я предупреждал тебя, Петрович, – говорил молодой, – в шестьдесят все только начинается – инфаркты, инсульты, паралич... Может, о пенсии пора подумать? Загнешься ты в своем строительном тресте...

До работы Павел добрался за четверть часа – перепрыгивая через канавы и огибая подозрительные участки местности. Асфальтовые дороги «уездному» городу требовались в первую очередь. В Москве в гаражном кооперативе остался 408-й «Москвич» – последний в ряду одноименных изделий.

Машину Павел купил по случаю – у товарища по работе, отбывающего на Крайний Север. Цена понравилась – не потерялся, схватил первым. Машина почти не ломалась, проезжала везде, где было нужно. Через год эксплуатации просила только масло и бензин – просто «кадиллак» какой-то, а не отечественный автомобиль. Перед поездкой в Плиевск транспортное средство Болдин законсервировал, попросил соседа присмотреть за гаражом. Кого хотел обмануть? Рассчитывал вернуться через неделю-другую? Последние надежды таяли. А ведь еще вчера надеялся: позвонит полковник Зиновьев, скажет: шуток не понимаешь? Машину, в принципе, можно перегнать, и эта тема уже не казалась вздорной... Впрочем, не стоило. Здешние дороги могли уничтожить даже карьерную технику.

Во дворе горотдела водитель мучился со вчерашним «рафиком», помогая себе бранным словом.

– Представляешь, – поворотился он к Павлу, – сломалась шарманка. Не заводится, хоть ты тресни. Вот представь, вчера поставил на этом месте – все работало. Сегодня прихожу – не работает. Объясни, как машина может сломаться, стоя незаведенной? Э, да что я у тебя спрашиваю, – махнул рукой водитель, – вы же у себя в столицах только на лимузинах и ездите...

За спиной затарахтело – словно сосновые поленья затрещали в печке. Подъехал старый «Запорожец», «ЗАЗ-965» округлых очертаний, водитель заглушил двигатель. Со скрежетом распахнулась дверца, вылез долговязый Геннадий Чекалин, распрямил спину. Как он там помещался? Павел благодарно помалкивал.

– Нет, ты спроси, – исподлобья уставился на него Чекалин. – Все спрашивают. Сколько дров потребляет агрегат? Обгонит ли велосипедиста?

– Не хочу, – покачал головой Павел. – Лучше так, чем пешком.

– Вот, золотые слова, – обрадовался Чекалин. – Приветствую, коллега, – он протянул руку. – Приобрел по случаю в позапрошлом году. Какой ни есть, а семейный автомобиль. В эту инвалидку, между прочим, вся моя семья влезает – мы с женой и оба чада. Одному семь, другому восемь. В тесноте, да не в обиде. Однажды до Смоленска на спор доехал. Об-

ратно, правда, на сцепке тащили, ползарплаты буксировщику отдал... Читал – сейчас новый «Запорожец» собираются делать?

– Читал, – кивнул Павел. – Даже видел. Машина зверь, надо брать. Кстати, «РАФ» сломался, – кивнул он на застывший микроавтобус. – Будем пешком на трупы бегать.

– Типун тебе на язык, – испугался Чекалин. – Какие еще трупы? А то, что «РАФ» сломался, дело привычное, он всегда ломается. Если что, у нас в гараже еще «газик» 69-й есть. Был на ходу. Микульчин, правда, его не любит – трясет в нем сильно. Так, пошли работать, – он встрепенулся, глянув на часы – а то прогул запишут.

По отделу разгуливал ветер, завывал в вентиляционной отдушине. Боря Чайкин смотрел на мир сквозь запотевшие очки, сдерживая зевету. Максимов курил на подоконнике, стряхивал пепел мимо пепельницы.

«Началось в колхозе утро», – подумал Болдин.

Вошел взвинченный и раздраженный Микульчин, исподлобья осмотрел всех присутствующих, особо неласково – Павла.

– Ну что, граждане отдыхающие... Подъем, выходи строиться. У нас убийство. Причем двойное. Овражный переулок, 39.

– Тьфу ты, – чертыхнулся Чекалин, – лучше бы ты, Болдин, мимо проехал. Так хорошо до тебя было...

– Мне уехать? – спросил Павел.

– А толку? – крикнул Максимов. – Все уже произошло, назад не вернешь. Овражный переулочек, говорите, Константин Юрьевич? Там наш «РАФ» не проедет.

– Наш «РАФ» уже нигде не проедет, – поведал Микульчин. – Двигатель накрылся целиком и полностью, ремонту не подлежит, только замене. Обещали из области «буханку» прислать, но это дело далекого будущего. Твой «запор» на ходу, Геннадий?

– Не дам, – испугался Чекалин. – «РАФ» там, значит, не проедет, а моя лилипутка проедет? Не дам, – повторил он. – Хоть увольняйте. Да мы и не влезем в нее.

– Да, идея неудачная, – подтвердил Чайкин. – Остался только «газик». Он вроде на ходу, нет?

– Черт... – ругнулся капитан. – Болдин, права есть?

– Есть, товарищ капитан. А кроме меня некому управлять вашей сельскохозяйственной техникой?

– Некому, – проворчал Микульчин. – Мне врачи запрещают, не хочу рисковать. Чекалин только со своим корытом справляется, у Максимова прав нет...

– У меня есть, – встрепенулся Чайкин.

– Отставить, – резко отозвался начальник отдела. – Ты нас уже возил, и чем это закончилось? Болдин повезет. Могли бы, конечно, и пешком, но как-то...

– ...не по чину, – хмыкнул Максимов.

Глава третья

Жизнь в провинции представлялась Павлу немного иначе. Было подозрение, что периферия не процветает, но чтобы такая запущенность...

Микульчин сидел рядом, вцепившись в ручку над головой, молчал всю дорогу. Спрашивать о здоровье было неловко. Но дела у капитана явно не ладились, практически постоянно он испытывал боль. Дорога к Овражному переулку, примыкающему к пристани, была полосой препятствий. Вдобавок здесь недавно прошла тяжелая техника – видимо, вызволять затонувший теплоход. Павел не гнал – переползал через рытвины на первой передаче.

Вдоль дороги теснились избы за дощатыми заборами. Дом под номером 39 выглядел особенно уныло – крыша набекрень, фундамент зарос бурьяном.

Калитку гостеприимно распахнули. К ограде приткнулся милицейский «газик» – прибыли по вызову. Над соседскими оградами возвышались головы любознательных соседей. Дорожка от калитки к крыльцу была засыпана щебнем. Но и здесь пробивались сорняки. На бельевой веревке сохли платки и панталоны.

Сержант патрульного наряда, увидев процессию, направляющуюся к дому, выбросил окуроч и спустился с крыльца.

– Здравия желаю, товарищ капитан.

– Что у вас?

– Да нет, это у вас... – не сдержался сержант. – Простите. Убиты женщина и мужчина. Потерпевшая – Заварзина Евдокия Тимофеевна, 79 лет, хозяйка дома. Вторая жертва – квартирант, снимал у старушки комнату. Постоянной работы не имел, подрабатывал грузчиком, чернорабочим на механических мастерских. Это соседка рассказала, она и обнаружила свою товарку мертвой. Утром смотрит – нет ее, а всегда рано встает, звала, кричала, испугалась, что женщине стало плохо, перелезла на ее участок – и в дом. Дверь открыта была, нос сунула, на цыпочках в спальню... И с воплем на улицу, побежала в милицию звонить. А когда мы приехали, то и второй труп обнаружился, он в соседней комнате лежал... Да вы не волнуйтесь, Константин Юрьевич, мы там ничего не трогали, не топтались.

– Страх-то какой, – передернул плечами Максимов. – Ну что, Константин Юрьевич, заходить будем или экспертов подождем?

Любопытство никто не отменял. В дом входили на цыпочках, чтобы не нарушить покой. Проживала гражданка Заварзина в бедности, но чисто. Пол подметен, посуда – на печке. Березовые поленья аккуратно сложены. Из горницы – две двери. Обе приоткрыты. Открывать пришлось коленями, чтобы не оставить отпечатков. Икнул Борис, взялся за горло и уступил дорогу старшим товарищам. Закашлялся Максимов. У остальных нервы выдержали.

Старушка в длинной ночной сорочке лежала на кровати, распахнутыми глазами смотрела в потолок. Разметались седые пряди. Морщинистое лицо перекосила судорога. Кровь была повсюду – на сорочке, на полу, пропитала скомканное постельное белье. Били холодным оружием – безжалостно и не особо разбираясь. Брызги летели, похоже, во все стороны: кровь запеклась даже на окнах.

– Эх, испачкала нам все место преступления, – мрачно пошутил Чекалин.

Во второй комнате картина была не лучше. Квартиранта умерщвляли тем же способом и тем же оружием. Коренастый лысоватый субъект, сильно за сорок, в одних трусах – видимо, не умер после первого удара, оказал сопротивление. За что и получил дополнительную порцию. Грудь искромсали полностью, а последний удар убийца нанес в горло – надоело бить просто так. Голова покойника была повернута в сторону, глаза вылезли из орбит, из открытого рта вывалился синий язык. Конечности сковала посмертная судорога – пальцы растопырены, как будто перед смертью он пытался показать какое-то число. Одна нога покойника упиралась в пол, другая была заброшена на боковину кровати. Здесь тоже рекой текла кровь. Кровавая «бабочка» красовалась на шее, от одного вида которой тошнота подступала к горлу.

– Вот же, мать его, порезвился... – зачарованно прошептал Чекалин. – Слушайте, мужики, он так кромсал свои

жертвы, словно удовольствие получал...

– Может, и получал, кто его знает, – задумчиво проговорил Микульчин. – Тебе не кажется, Болдин, что этот мясник должен был измазаться кровью?

– Измазаться – это мягко сказано, – выдавил Павел. Подобные картинки он тоже наблюдал нечасто. Убивали в столице нередко, но чтобы так вызывающе, – даже не припомнить. – Он не то что измазался – он по уши был в крови.

– И что тут, по-твоему, произошло?

– Убийца пришел за мужиком. Старушка – сопутствующая жертва. Могло быть наоборот, но экзотические версии рассматривать не будем. Все случилось ночью. Рискну предположить, после двух часов. Мог в калитку войти, мог через ограду перелезть. Стучаться не стал, вы дверь видели? Рассохлась напрочь, в створ не входит, щель остается. Запирается на крючок изнутри, нет там никакого замка. Раньше был, но сейчас им невозможно пользоваться. Ножиком снаружи приподнять крючок – дверь и откроется. Если медленно открывать, приподнимая дверь, – скрипеть не будет. Вошел, расправился с мужиком. Старушка проснулась, увидела. Пришлось и ее...

– Но с чего такая мясорубка? – подал голос Чайкин. – Для убийства ножом не надо наносить такое количество ударов.

– Во-первых, он мог действительно получать удовольствие, – не растерялся Павел. – Такие люди – назовем их

«существа» – в природе обитают. Их еще называют психопатами. Во-вторых, с чего ты взял, что били ножом? Могли орудовать отверткой, шилом, в этих случаях резаные раны не получатся. Оттого и решает... количество, а не качество. Пусть эксперты вынесут заключение.

– Убитого, кстати, зовут Таманский Олег Васильевич, – сообщил Максимов. Он извлек из прикроватной тумбочки паспорт. – 1924 года рождения, 46 лет, прописка рязанская, село Тымово, не женат, не разведен, детей нет.

– В каком году выдан паспорт? – встрепнулся Болдин. Странная мысль пришла ему в голову.

– М-м... в прошлом, 69-м.

Нет, не сработало. Да и с чего бы? Он перехватил удивленный взгляд Микульчина. Паспорт заменили в 45 лет, как и положено.

– Понятно, будем ждать экспертов.

– Правильно, Константин Юрьевич, – прозвучал за спиной насыщенный тембром голос. – Не помяни черта, он и не появится.

Присутствующие расступились, в комнату вошел пожилой человек с густой шевелюрой. Он выглядел убедительно, в чем-то даже элегантно. Поставил на пол упитанный «дипломат», осмотрелся.

– Сочувствую, Константин Юрьевич, – вынес он вердикт. – Кого-то ожидает непочатый край работы. Отвыкли от такого, признайтесь? Молодой человек, – мужчина учтиво

и несколько театрально склонил голову перед незнакомым сотрудником.

– Короленко Петр Анисимович, – представил коллегу Микульчин, – Болдин Павел... не могу запомнить твое отчество. Неважно, из Москвы, короче, из ссыльных.

– Как же нам не хватало свежего московского воздуха... – драматично выдохнул эксперт. – Мои сожаления, молодой человек. Но вы не расстраивайтесь, у вас еще полжизни впереди. Давайте работать – никто не возражает? Я, кстати, слышал часть вашего разговора. Молодой человек прав, орудие убийства, судя по всему, прелюбопытное.

– Любите же вы подслушивать, Петр Анисимович, – посоветовал Микульчин.

Эксперты приступили к работе. Остальные вышли из дома, разошлись по территории. Чайкин опрашивал соседей, Павел искал следы. Место проникновения злоумышленника нашлось сразу – за малиной, на краю участка. Две штакетины в ограде были вынуты, в отверстие мог пролезть человек. Задумался Чекалин, видимо, представил себя злоумышленником, протиснулся через дыру, стал ворочаться в кустах, вышел на дорогу. Вернулся через несколько минут с торжествующей миной, держа двумя пальцами какой-то окровавленный ком.

– Дождевик, товарищ капитан. Валялся в скомканном виде в мусорке за углом. В отсутствие дождя можно использовать как защиту от кровавых брызг. В этой штуке душегуб

и пошел на дело. Застегивается плотно, капюшон на голове. У меня такой же был, пока не порвался...

– Молодец, Геннадий, – похвалил Микульчин. – Эй, Петр Анисимович! – крикнул он в открытую дверь. – Дождевик нашли, весь в крови! Потом осмотрите, добро?

– Вот спасибо, хорошо, положите на комод... – задумчиво пропел из дома эксперт.

Появился Чайкин, сообщил, что со свидетелями беда. Люди по ночам спят, а не следят за соседями. Подошел Максимов – он осмотрел следы у ограды. Преступник был обут в резиновые сапоги 45-го размера, что совсем не говорит о его исполинском росте. Рост может быть любой – как и настоящий размер обуви.

– Служба кинологов в городе есть? – спросил Болдин. В ответ дружно рассмеялись, считай, ответили.

– Поводыри есть, – добавил Микульчин. – Но это не наш случай. Да и нет резона. Думаешь, убийца шел до дома в своих сапогах? Переобулся – к бабке не ходи. Или машину на соседней улице оставил.

– Я тут вот о чем подумал, товарищ капитан, – сказал Чайкин. – Принимаем, что пришли по душу Таманского. Человек простой – грузчик, разнорабочий. То есть фигура абсолютно бесхитростная. Кому понадобилось именно так его убивать? То есть грамотно, обдуманно, не пощадив и старушку. Конфликты в этой среде случаются. Могут рыло начистить, ножичком пырнуть – сами знаете. Но чтобы так –

с тайным проникновением, тщательно подготовившись...

– Вопрос, кстати, хороший, – признал Микульчин. – Но ты же не думаешь, что я отвечу?

– Есть подвижки, товарищи? – на крыльце появился эксперт Короленко, выбил сигарету из пачки «Столичных», с наслаждением затянулся. – Нет? Я не удивлен. Дождевик обследуем в лаборатории, ждите отчета. Время смерти потерпевших – от двух до четырех часов ночи. В отчете будут данные поточнее, но вам, полагаю, без разницы. Убийца, кстати, хладнокровный человек, любит рисковать и вида крови не боится.

– Сообщите хоть что-нибудь, Петр Анисимович, – взмолился Микульчин. – Ваших отчетов пока дожدهшься – состариться можно. То, что убийца хладнокровный и бесчувственный, мы сами сообразили.

– Так и быть, – эксперт снисходительно, сверху вниз, оглядел аудиторию. – Орудие убийства необычное. Это не отвертка, не ножницы, а, скорее всего, стилет... не путать с ланцетом или скальпелем, товарищи офицеры, – не удержался от подколки Короленко. – Тонкое холодное оружие с удлиненным клинком и, возможно, крестовиной, заменяющей гарду. Или без таковой. Режущих граней на стилете нет, поэтому наносить им режущие раны бесполезно. Можно только колоть. Сечение у стилета круглое или овальное. Бывает четырехгранное – именно последнее использовалось в нашем случае. Это предположение, но уверен, оно подтвер-

дится. На клинке – ребра жесткости и так называемые доли – продольные впадины по всей длине клинка. Это облегчает вес оружия и служит своеобразным кровотоком. Оружие – старое как мир. В нашей стране хождения не имело, а вот за границей – сплошь и рядом. Помните старинные доспехи? Ножом не возьмешь. А вот стилетом – можно. Тонкое острие легко проходило между чешуйками панциря или кольцами кольчуги. Хм, с интересными штуками разгуливают современные убийцы по провинциальным городкам... Наш стилет в длину не меньше тридцати пяти сантиметров. Пятнадцать – рукоятка, остальное – клинок. То есть оружие имеет глубокую проникающую способность. Горло мужчины, кстати, пронзили насквозь. Острие клинка прошло между шейными позвонками, пробило матрас на порядочную глубину.

– Спасибо за ясность, Петр Анисимович, – пробормотал Микульчин. – От вашей ясности, правда, еще больше загадок. У кого может быть стилет? Ему же место в музее.

– Выясняйте, Константин Юрьевич, выясняйте, вам за это деньги платят. Небольшие, но на поддержание штанов хватает. Думаю, орудие убийства преступник забрал с собой. Такими вещами не разбрасываются. Мы закончили, Константин Юрьевич, можно увозить тела. Пусть патрульные оповестят по рации. До новых встреч, товарищи, – эксперт манерно приподнял воображаемый котелок.

Минут через двадцать подъехала санитарная «буханка», встала у калитки. Санитары не спешили, выгружали из са-

лона разборные носилки. Подкатил «газик» с брезентовым верхом, встал за «буханкой» поперек проезжей части. Выгрузился мрачный майор Ваншенин, осмотрелся, стал пробираться к калитке.

– Начальство нелегкая принесла, – глухо ругнулся Максимов.

– Это точно ни к селу ни к городу, – согласился Микульчин. – Здравия желаем, товарищ майор.

– Виделись, – буркнул Ваншенин, проходя мимо.

Он поднялся на крыльцо, немного помешкал, но все же вошел. Визит не затянулся – вышел слегка позеленевший, перевел дыхание.

– Что это, капитан?

– Место преступления, товарищ майор. Потерпевшие – гражданин Таманский и гражданка Заварзина. Их убили.

– Кто?

– Убийца не представился...

Майор глухо выругался. Отдельные слова в его коротком, но страстном монологе были явно не для печати.

– Вразумительные объяснения будут?

Микульчин объяснил – не тратя лишних слов. Ваншенин продолжал выражаться, но громкость убавил. Потом вьедливо уставился на Болдина.

– Я знаю, товарищ майор, – Павел напустил на себя покаянный вид. – До меня такого не было. Ни драк, ни двойных убийств. Теплоходы не тонули, комбинаты не горели...

– Да иди ты, еще один остряк-самоучка, – майор мрачно посмотрел на санитаров, которые справились наконец со своими носилками и двинулись к дому.

– Там двое, – предупредил Максимов. – Вторую машину надо.

– А где ее взять? – бросил, переступая порог, похожий на мясника санитар. – Вы не переживайте, увезем обоих.

Отвернувшись, закурили, разглядывая вялые астры и гладиолусы на клумбе.

– И что вы собираетесь делать, Константин Юрьевич? – ядовито осведомился Ваншенин. – Проработали план первоочередных мероприятий?

– Да, Егор Тарасович. Надо выяснить, где в последнее время работал Таманский. Кто он вообще такой, чем по жизни занимался. Конфликты, разборки, темные делишки. Может, деньги кому-то задолжал. Может, с женщиной не с той сошелся... Заварзина не в теме, кому нужна безвредная старушка? Таманский мог залезть не в свое дело, ну, вы понимаете...

– Я ничего не понимаю, – огрызнулся Ваншенин. – И не мое это дело. Работайте – вон вас сколько. Плюс свежие московские мозги... Что надулся, Болдин, покажи себя, удиви провинциальных бездарей. Работайте, мужики, работайте, вечером жду отчет.

Фактически весь день был в их распоряжении – работай не хочу! Не объяснить местным товарищам, что нет никаких

«особых» московских методов. По всей стране милиция работает одинаково. Где-то формально, где-то въедливо докапывается до истины.

Снова осмотрели место преступления. Перед тем как войти в дом, убийца вытер ноги о решетку, так что в избе своих следов практически не оставил. Только в горнице – слабый отпечаток, идентичный тем, что выявили у ограды.

Чекалин с Борисом прошлись по улице, покопались в мусоре, где убийца оставил дождевик. Но не нашли ни сапог, ни орудия убийства. В доме криминалисты выявили отпечатки пальцев нескольких человек, исключили те, что принадлежали потерпевшим. Оставшиеся «пальчики» могли принадлежать кому угодно. Вряд ли педантичный убийца не учел бы такую очевидную вещь. Но порядок есть порядок. Найденные отпечатки отправили для проверки – база уголовников, пусть и небольшая, все же имелась.

Опросили соседку Валентину Трофимовну – ту самую, что забила тревогу. Женщина оказалась впечатлительной, но вменяемой. Вечером Заварзина копалась в огороде, вела себя как обычно. Квартирант пришел в восьмом часу вечера, гремел стеклотарой. Особо постояльцев Евдокия Тимофеевна не третировала – разрешала выпить, если не в лежку. Предыдущий даже девок водил, на что она снисходительно закрывала глаза. Возможно, брала за это дополнительную плату. Этот девок не водил, пил в меру, непотребств не устраивал. Бывало, даже здоровался – если настроение

позволяло.

Вчера ничто не предвещало несчастья. Примерно в девять вечера соседка вынесла из дома несколько пустых пивных бутылок, спрятала в сарай, где держала пустую стеклотару. Было тихо, постоялец уснул. Заварзина тоже ложится рано – в десять вечера ее уже не было. Да и как возиться по хозяйству, если стемнело?

«К постояльцу кто-нибудь приходил?» – пытали соседку. Та отчаянно напрягала память, но ничего сказать не могла. Странно, а ведь она никого не могла припомнить. Мужчина, конечно, бука, но чтобы совсем никого... Вспомнила! Однажды видела, как потерпевший разговаривал с мужиком. Дело было на улице, недалеко от калитки. Что-то энергично обсуждали, но на пониженных тонах. Собеседник стоял спиной, был в кепке, сутулый, куцый пиджачишко. Да и темнело уже. Расстались недовольные друг другом, но не ругались. Таманский отправился в дом, собеседник зашагал по тротуару, не оборачиваясь. Лица его Валентина Трофимовна не рассмотрела. Это было примерно две недели назад...

На вопрос, как долго квартирант проживал в Овражном переулке, женщина провалилась в задумчивость. Месяц точно, может, и побольше. Прибыл с чемоданом и сумкой за плечом. Соседка сказала, что из Рязанской области, дескать, паспорт посмотрела, самого тоже осмотрела и обнюхала – вроде приличный человек. Остальное ее не волновало, лишь бы деньги платил...

Отчет по дождевику ничем не обнадежил. Крови на нем было море. С внутренней стороны осталась пара катышков. Короленко предположил, что это порванная в нескольких местах утепленная штормовка. Утеплитель матерчатый, его частицы остались на дождевике. Если это как-то поможет уважаемой оперчасти, то он рад.

«Петр Анисимович, вы, видать, издеваетесь, – в сердцах бросил Микульчин. – В нашей стране этих штормовок – как грязи, у кого их только нет». «У меня нет», – встрял Болдин.

Связи потерпевшего выявляли долго и муторно. Последнее место работы – грузчик на продовольственной базе. Когда туда нагрянули оперативники, работа была в разгаре. Немолодые мужчины разгружали прицеп грузового «ЗИЛа» – вытаскивали из него мешки, коробки, волокли под крышу, сгибаясь от тяжести.

«Странное дело, – подумал Болдин, – в магазинах нет ничего, зато на базах есть все».

Завскладом растерялся, увидев под носом удостоверение МВД, забегали глаза, усилилось потоотделение. Как только выяснилось, что это «другое», человек воспрял, расправились плечи. Что он может сказать о своем новом работнике? Да ничего хорошего! Впрочем, и плохого сказать нечего, работает как все, обожает перекуры, еще не старый, с работой справляется. Было несколько опозданий, получил внушение. А сегодня просто не вышел! Не позвонил, что заболел, не со-

общил через кого-нибудь – хотя ни с кем особо не общался. Это безобразие! Телефона у него нет, снимает где-то комнату в частном доме. Если до вечера не объявится, можно увольнять, незаменимых у нас нет!

Узнав, что произошел трагический случай (причина для прогула, в общем-то, уважительная), завскладом побледнел, вновь забежал глазами. Новость явно стала сюрпризом. Грешки у товарища водились, но вряд ли они имели отношение к убийству. Сказать про Таманского нечего, мужчина не очень говорливый. Порой замыкался, вообще ни с кем не контактировал. Другие грузчики подтвердили – тот еще бирюк. Предлагали человеку выпить после работы, нормально посидеть в каком-нибудь дворике – так нет же, отказывался. Почему? Жена со скалкой над душой не стояла. Значит, не уважал товарищей!

О себе Таманский практически не рассказывал, кроме того, что приехал из Рязанской области сменить обстановку, посмотреть мир. Чем Рязанская область отличается от Смоленской – большая загадка. Не Крым, не Магадан – вот там есть на что посмотреть. То есть на работе доверительных бесед Таманский не вел, с людьми не ссорился. Подозрительные личности к нему не ходили. Молча таскал мешки, в перерывах курил «Астру» (не самую, кстати, дешевую из сигарет без фильтра), разговоры слушал, но сам в них не участвовал.

Впрочем, кое-что забрезжило: молодой человек, с кото-

рым потерпевший в понедельник таскал мешки, вспомнил, что после обеда Таманский был заметно возбужден. На обед уходил в город, отсутствовал весь перерыв, а потом у него подозрительно блестели глаза. Что-то с человеком происходило, при этом явно положительное. Наводящие вопросы он игнорировал, а в какой-то момент даже хрипло засмеялся.

Это было все, что выяснили на продовольственной базе.

«Копаем глубже, командир?» – погрузился Максимов.

До окончания работы оставалось время. Сотрудники снова разъехались. Предыдущим местом работы погибшего были механические мастерские. Уборка, вывоз мусора, погрузочно-разгрузочные работы. Если Таманский и владел какой-то специальностью, то в Плиевске это не афишировал.

«Что по женщинам? – задался вопросом Болдин. – Одиноким мужчина несколько месяцев жил в чужом городе и ни разу не контактировал со слабым полом?» «Ну да, ты же у нас эксперт», – среагировал Чекалин, но остальные сошлись во мнении, что идея здравая.

Таманскому еще не было пятидесяти – нормальный здоровый мужик. Тему не раскрыли, пару раз он не приходил ночевать в Овражный переулок, но где его носили черти, неизвестно. Любовными подвигами он не хвастался.

К окончанию рабочего дня личный состав собрался в отделе. Микульчин сидел за рабочим столом и явно не прочь был прилечь. Кожа побледнела, движения замедлились. Боли в животе не давали покоя. О своих проблемах Микульчин

не распространялся. Павел уже понял, что лучше эту тему не задевать. Неизвестно, как долго сможет проработать человек. Сильная утомляемость, одышка, рези и колики – бегать уже не может, бывает, что и ходит с трудом. Через день посещает процедурный кабинет городской больницы. К счастью, капитан не одинок, есть жена – сама не бог весть какая здоровая. Есть сын – пацан двенадцати лет, поздний ребенок, живет с родителями.

– Чего уставился, Болдин? – недовольно проворчал Микучин. – Имеешь что сказать? Так нечего пялиться... Час назад в РОВД приезжала дочь Заварзиной – некая Маргарита Стельмах. Плакала, убивалась – я бы сказал, не переигрывала. По-настоящему расстроена. Темными делишками старушка не промышляла, самогон не гнала, краденое не сбывала. Единственный грешок – сдавала комнату квартирантам, имея регулярную добавку к пенсии. Но это не самый лютый грех. В остальном заурядная старушка, в войну уже была на пенсии, в трудоспособные годы работала на ткацкой фабрике в Иваново. Несколько раз переезжала, в Пливске проживала последние пятнадцать лет – поближе к дочери. Деньги в тайничке, скопленные на старость, оказались нетронутыми. Дочурка их проверила в первую очередь. Дом убийца не обыскивал. Это если кто-то думает, что основной целью злоумышленника являлась старушка – божий одуванчик. Итак, убить хотели Таманского, что и сделали. Молчаливый бирюк, сторонился компаний, пил только пиво, рабо-

тал, но несерьезно – то есть задерживаться в городе не собирался. Но пришлось трудоустроиваться, чтобы не обвинили в тунеядстве. В Плиевске появился месяца два-три назад. Случалось, пропадал ночами, но нечасто. Был связан с чем-то темным, возможно, незаконным. Создается ощущение, будто ждал какого-то события. Встречался на улице с неизвестным мужчиной, которого соседка видела только со спины...

«И который мне кого-то напоминает», – подумал Болдин.

– За день до смерти выглядел возбужденным – что-то предчувствовал, ждал позитивного события, – продолжал Микульчин. – Но ждал напрасно, потому что умер.

– Мог кого-то шантажировать, – предположил Болдин.

– Мог, – согласился капитан. – Или нет. Фигура Таманского – достаточно туманная. Ни семьи, ни детей. Но паспорт не липовый, выдан в паспортном столе поселка Тымово. Я связался с Рязанью – позвонил своему старому знакомому в тамошнем управлении. По моей просьбе местные сотрудники дозвонились до поселкового отдела милиции. Обещали собрать информацию. Через час перезвонили. Таманский – фигура не вымышленная, два года проживал в поселке, где и получил паспорт. Оформлявший его сотрудник, к сожалению, скончался от болезни. В Тымово Таманский работал в строительной бригаде – занимался возведением сельскохозяйственных объектов. Душой компании не был, с людьми общался мало. Водил знакомство с местной жительницей,

но это – история темная и короткая. Самое поразительное – вся предыдущая биография потерпевшего покрыта туманом. Возник в Рязанской области, а что было раньше – неизвестно, словно вылупился из какого-то фантастического измерения.

– Но такого у нас не бывает, Константин Юрьевич, – осторожно заметил Болдин. – Учет населения, отслеживание перемещения лиц – это то, что мы всегда умели.

– Но это не значит, то нельзя ничего скрыть, – отрезал Микульчин. – Особенно если человеку это надо. Будем копать, пошлем официальный запрос. В прошлом Таманского что-то было – это и привело его к сегодняшнему стилету в горле. Возможно, он не тот, за кого себя выдавал, или кого-то выслеживал, или, как предположил наш московский друг, – шантажировал...

– Сложновато, товарищ капитан, – скептически заметил Максимов.

– Простые версии тоже надо прорабатывать, – усмехнулся Микульчин. – Переспал не с той барышней, обидное слово вырвалось сгоряча...

– Но он точно перешел кому-то дорогу, – сказал Павел. – Разрешите, Константин Юрьевич, я буду отрабатывать эту версию? Есть одно завиральное соображение, пока рано о нем говорить, чтобы не попасть под шквал критики.

– Вот ты какой, – ухмыльнулся Микульчин. – Себе на уме, значит. Ну, ладно, отработывай свои завиральные идеи, а мы

займемся делами земными. Чайкин, завтра с утра оформишь запрос и обязательно ко мне на утверждение. Все, расходимся. Болдин, завтра на работу – через отдел кадров, получишь удостоверение. Не забудь оформить временную прописку – нам перекати-поле не нужны...

– Машиной разрешите пользоваться? – встрепенулся Павел.

– Черт с тобой, разрешаю. Но ремонт и бензин – твои. Ты же не бедствуешь, а, столичный житель? В рабочее время машина должна использоваться по служебным делам. Ладно, на сегодня все, – Микульчин посмотрел на часы. – Подбросишь до дома, старлей, и катись по своим делам.

– И меня, – оживился Чайкин.

– А ты перебьешься, молодой еще...

Глава четвертая

В средней полосе смеркалось медленно, – не юг, где темнота обрушивается стремительно, заставляя людей врасплох. Микульчин вышел у больницы, находящейся в Больничном переулке. Старое здание укрывала тополиная завеса. За оградой шоркал метлой дворник в фартуке. К учреждению примыкало здание поликлиники. В этом же квартале, в отдельном строении, располагалось психиатрическое отделение.

– До завтра, старлей, спасибо, что довез. Ждать не надо – проживаю в соседнем квартале, добреду, – с этими словами Микульчин покинул машину, махнул на прощание и потащился к ограде. Павел проводил его глазами, мысленно посочувствовал.

Возвращаться в Конный переулок пришлось через добрую половину городка. Часть пути он проехал по сравнительно приличной улице Героев Труда, потом свернул в Восточный проезд. «Газик» уверенно покорял ухабы, издавая при этом странные звуки, но, на удивление, не ломался.

За спиной остались ремонтно-механические мастерские. Жилые кварталы находились за балкой, которую пересекал бревенчатый мост. Попахивала свалка. В прошлом здесь был пожар, сгорели частные дома. Пепелище худо-бедно расчистили, но застраивать район не спешили. Экскаваторы засы-

пали овраги, выравнивали площадки для будущего микрорайона.

В сереющем пространстве выделялись очертания застывшей техники. Район был малопосещаемый. Дорога извивалась между лесопосадками. Под колесами шуршал щебень. Навстречу прошел бортовой «ГАЗ-53», груженный строительными неликвидами, – явно на одну из свалок. Прошли мужики с рюкзаками и сложенными телескопическими удочками – этих людей Павел про себя называл «психами». Сидят на реке весь день вместо того, чтобы заняться чем-нибудь полезным, глазуют на застывший поплавок. Рыбу, если приспичит, можно купить и на базаре.

Молодая женщина в легкой куртке и синих брюках потирала ушибленное колено, пыталась поднять велосипед, с которого упала. Проводила глазами бодро прыгающий «газик», вздохнула, откинула упавшую на глаза прядь волос.

Павел вышел из задумчивости, вскинул глаза к зеркалу. Одинокая фигура на обочине отдалялась. Он притормозил, обернулся. Из-за мусорного «бархана» показалась компания молодых людей. Сначала они шли по пустырю, затем начали смещаться к дороге. Что произойдет дальше – не нужно быть провидцем. Молодые люди двигались расслабленно, не спеша. На зрение Павел не жаловался. Вздохнув, он включил заднюю передачу. Разворачиваться на узкой дороге не хотелось – был риск провалиться в водосток. «Газик» пятился рывками, в заднее зеркало было трудно контролировать обо-

чины.

Воздух темнел. В какой-то момент двигатель заглох, пришлось быстро поработать ключом в разболтанном замке зажигания. Сизый дым снова окутал задний вид. Машина попятилась. Парни перепрыгивали через водосток, взбирались на обочину с плотоядными улыбками. Девушка испуганно съежилась, вцепилась в велосипед. Уехать она уже не могла – слетела цепь. Ох уж эти беспомощные создания...

Павел заглушил двигатель, вышел из машины. Молодые люди окружили девушку, скабрёзно скалились, предлагали прогуляться. Один держал открытую пивную бутылку, попивал из нее мелкими глотками.

– Ай, хороша бикса, ай, хороша, – покачивал головой покрытый угрями рослый детина. – Пропадает, чуваки, совсем пропадает! Милая, бросай свой велик, пошли с нами, потом починим. Ушан, ты же починишь барышне велик?

Представитель недоразвитого семейства шимпанзе с торчащими ушами заржал, схватил велосипед за раму, потащил на себя. Девушка что-то пробормотала, вцепилась в свою собственность. Симпатичное личико побелело от страха.

– Ты не бойся, солнышко, не бойся, – приговаривал обладатель пивной бутылки, – Ништяк все будет, тебе понравится... Эй, фраер, тебе чего? – он повернул голову и уставился на Павла колючим взглядом. Эта шантрапа явно была не из местных. Какие-то «сезонные» рабочие, калымщики, да еще и с уголовными замашками. – Чего надо, говорю? После нас

не занимать, понял? Садись в свою колымагу и чеши на хрен!

– А он не может! – захохотал рябой остолоп. – Нет у него передней скорости, только задняя осталась!

Компания отвязно заржала – хулиганы явно ничего не боялись. Они уже достаточно тпнули, чтобы море стало им по колено. Вблизи особенно остро ощущалось алкогольное амбре.

Порой оторопь брала: откуда в стране столько шпаны? От сырости, что ли, разводятся – как комары? В школах строгий контроль, все организовано – октябрята, пионеры, комсомол. Любое ЧП принципиально изучается, делаются выводы. В вузах этой гадости практически нет. Учащиеся ПТУ – не столь массовая прослойка. Видно, недооценили блатную «культуру», проникающую в массы, тот же алкоголь, меняющий мировоззрение...

– Послушайте, что вы пристали? – вскрикнула девушка. – Я вас не трогала, идите своей дорогой!

– Так мы еще и грубим, дорогая? – расхохотался ушан и бесцеремонно обнял девчонку, отчего она сразу стала меньше ростом. – Слышь, Оглобля, потрынди с чуваком, а мы пока этой кралей займемся, сделаем ее сговорчивее...

– Ладно, пацаны, порезвились и хватит, – сказал Павел. – Не приветствует девушка ваши ухаживания. По-хорошему разбежимся или есть другие предложения?

– Во дает фраер, – удивился парень с бутылкой. – Трудности нужны, дружок? Сейчас будут.

– Дай-ка я с ним потолкую, – сказал Оглобля и, засучив один рукав, отправился выяснять отношения. Остальные оскалились, стали следить за реакцией храбреца. Светить «корками» совершенно не хотелось. Громила был выше Павла на полголовы, и погоняло ему отлично шло. Старлей попятился – пусть думают, что испугался. Хулиганы вразнобой заржали.

– Не уходите, пожалуйста, помогите, – попросила девушка.

– Не уходите, пожалуйста, помогите... – кривляясь, передразнил ее Ушан.

Снова хохот. Эти шпанцы ничего не боялись, хмель ударил им в головы, внушая чувство собственной значимости.

Оглобля навис над душой, как скала, плотоядно ощерился, схватил Болдина за ворот, чтобы отбросить как щенка. Павел сбил липучую конечность, ударил правой – с задержкой в пару секунд. Кулак погрузился в живот, хулиган охнул, выпучил глаза. Такого они не ожидали, прервали смех. Оглобля шумно выдохнул – словно жажнул стакан первача, недоверчиво мотнул головой. Обиженно взревел... и получил звонкий удар в челюсть. Ноги заплелись, он начал падать. Павел с силой оттолкнул противника – искатель приключений замахал руками, потерял равновесие и покатился в канаву водостока – необычайно глубокую на этом участке дороги.

Возмутились товарищи. Ушан оставил в покое девушку.

ку, бросился с кулаками, энергично матерясь. Последовала серия затрещин, голова хулигана мотнулась из стороны в сторону, кулаки его замолотили пустоту, изрыгаемые вопли стали какими-то дребезжащими. Павел передохнул – устал чего-то. Ушан тяжело дышал, бешено вращал глазами. Но осталась еще силушка молодецкая – отступил, сжал кулаки. Не сделай он этого, Болдин оставил бы человека в покое – достаточно уже получил. Но пришлось продолжить. Оплесуха вышла звонкой, но старлей ударил вполсилы, не хотелось зверствовать перед девушкой (те всегда жалеют избитых хулиганов и попрекают спасителя в жестокости). Ушана развернуло, последующий удар уже выглядел затрещиной. Парень повалился в канаву к своему дружку, при этом замахал руками и завопил, как потерпевший.

– Сука, совсем страх потерял! Убью! – заголосил третий, с бутылкой «Жигулевского». Он впал в исступление, стал брызгать слюной. Поначалу казался несерьезным противником, но вдруг перехватил бутылку за горло, нагнулся, ударил ей по вросшему в грунт придорожному камню. Разбилось стекло, в руке осталась «розочка» – любимое оружие блатной швали. Он прыгнул в стойку, зашипел как змея. Осколки стекла представляли опасность. Ставшая невольной зрительницей девушка ахнула.

В таких ситуациях лучше опережать противника. Павел бросился вперед, сделав обманное движение. Бандит растерялся, махнул «розочкой» снизу вверх, надеясь вспороть

Павлу живот. Но «розочка» прорезала пустоту. Хулиган завизжал, когда рубящий удар пришелся по запястью, разжал пальцы, бутылка выпала. Подломилось колено – это уже самбо – толчок бедром, безвольное тело взмыло вверх и покапало под откос. В канаве становилось многолюдно.

Павел ногой отбросил разбитую бутылку, даже в состоянии покоя она представляла опасность, мельком глянул на девушку. Та не убегала – зачарованно следила за происходящим.

Из канавы лезли хулиганы – униженные, оскорбленные, но еще не побежденные.

– Оглобля, замочи его! – вопил неформальный главарь шайки.

Оглобля, матерясь как портовый грузчик, вылез на дорогу. На этот раз удар вышел настоящий. Кулак свернул челюсть, что-то хрустнуло. Рожа хулигана перекосилась, на губах показалась кровь. Мелькнула мысль: «А это действительно послужит им уроком? Или только обозлит?»

Оглобля загремел обратно в канаву, собирая по пути своих дружков, желающих поучаствовать в продолжении веселья. На этом все кончилось.

– Падла, мы еще встретимся... – прохрипел «старшой», выплевывая кровь. – Ты еще пожалеешь, мы тебя еще нарисуем...

Они уходили к пустырю – шатаясь, грозя в темноту кулаками. Войнство было разбито наголову, полностью утратило

боеспособность.

Павел угрюмо смотрел, как они скрываются за мусорной кучей. Сдавать в милицию эту ватагу было нереально – весь вечер провозишься. Будет долгое разбирательство: почему избил? Где свидетели?

Мимо проехал старенький «Москвич-400», скрипнули рессоры. Водитель с интересом поглядел на удаляющуюся компанию.

Смеркалось медленно. Молодая женщина застыла извечным, прижимая к себе велосипед. Ей от силы было лет двадцать. Хорошенькая – с волнистыми русыми волосами, носом-пуговкой. Глаза настороженно следили за движениями спасителя.

– Расслабьтесь, все закончено, – проворчал Павел. – Они ушли и больше не вернутся. Давайте знакомиться. Меня Павлом зовут.

– Еще и с вами знакомиться? – девушка вздрогнула, облизнула пересохшие губы. У нее был приятный, немного подрагивающий голос. Барышня отдаленно напоминала Наталью Варлей из фильма «Кавказская пленница».

Павел рассмеялся.

– А вы всегда так знакомитесь? – помедлив, спросила девушка.

– А только так и нужно.

Она оценила шутку, натянуто улыбнулась. Павел осмотрел велосипед, за пару минут натянул цепь. Транспортное

средство не пострадало – в отличие от хозяйки, которая, кажется, ушибла коленку.

– Я упала, – подтвердила спасенная. – Ехала домой, колесо попало в выбоину, велосипед пошел гулять, я не удержалась... Было очень больно, – она потеряла коленку, – но ничего страшного, просто синяк. А вы проехали мимо и даже не собирались останавливаться.

– Уснул за рулем, – объяснил Болдин. – Главное – вовремя проснуться.

– Да уж, проснулись вы вовремя... Я могу ехать?

– Да, если ничего не боитесь. Можете даже имя свое не называть, если не хотите. «Восьмерки» нет, цепь в порядке, но я бы советовал ее натянуть соответствующим инструментом.

– Меня Аленой зовут, – девушка с сомнением вглядывалась в темнеющее пространство. Хулиганы с подкреплением не возвращались. Она боялась ехать дальше, но что-то мешало ей в этом признаться.

– Далеко живете?

– На Жемчужной. Это маленькая улица с частными домами. Идет вдоль Каинки параллельно Пролетарской улице. Заехать можно с улицы Героев Труда в районе клуба. Я ведь правильно делаю, что так подробно объясняю? Вы не похожи на местного.

У нее была грамотная речь. Барышня тоже не походила на местную жительницу. Такие проживают в крупных горо-

дах, а на периферии могут оказаться лишь случайно или по воле необходимости.

– Я понял, где это, – кивнул Павел. – Довезу, если не боитесь.

– Мне кажется, я уже ничего не боюсь... – прошептала Алена. – Если десять минут назад не умерла со страха, то теперь уж точно не умру...

– Отлично, вы очень храбрая девушка, Алена, – Павел обогнул машину, распахнул заднюю дверь, где находилось багажное отделение. Хорошо, что Алена не видела. Предыдущим водителем, видимо, был Плюшкин. Надо же так захламить машину! Но велосипед вошел, угрожающе нависнув над задними сиденьями. Дверца, хоть и с трудом, закрылась.

– Располагайтесь, Алена, – он распахнул переднюю дверь, которая тревожно скрипнула.

– А вы уверены, что мы доедем? – Она с сомнением сморщила нос, но все же стала усаживаться на жестком кресле с торчащими пружинами.

– Даже не сомневайтесь. Машина не моя, выглядит не очень, но еще не исчерпала свой ресурс.

Дорога, петляя между холмами, втекала в частный сектор. Становилось интересно. Он невольно косил вправо, девушка в ответ косила влево. Павел вел аккуратно, и все же она держалась за ручку над головой, уперлась другой рукой в панель.

– Ваше лицо мне кого-то напоминает, Алена.

– Не оригинально, – фыркнула спутница. – «Девушка, мы с вами где-то встречались» и все такое...

– Не оригинально, – согласился Болдин, – но правда. Мы с вами не встречались, но ваше лицо мне знакомо... Ладно, могу ошибаться. Объясните, что вы забыли в столь позднее время в одном из самых неблагополучных районов города?

– Но я же не знала, что велосипед сломается, – резонно отозвалась Алена. – Если бы не поломка, меня бы не догнали. Я умею быстро ездить, занимаюсь в Смоленске велосипедным спортом на Октябрьском стадионе. Просто эта яма, будь она неладна...

Спортсменка, комсомолка и просто красавица... Засмеялись одновременно, встретившись взглядами.

– Вы так яростно дрались, защищая честь незнакомой девушки. Я даже испугалась, на миг подумала, что вы их убьете...

– Я не убиваю хулиганов. Просто надо знать, где остановиться. Уверен, что такую публику мирными методами не перевоспитать. Они закончат исправительной колонией – это даже не обсуждается. Но исправительные колонии исправляют немногих, увы. Единственное, что они понимают, это силу. Вы можете меня упрекнуть в том, что я применил излишнюю силу...

– Нет, не собираюсь, – замотала головой Алена. – Я страшно испугалась, вы не представляете это чувство, когда тебя окружают... А потом вы взялись, неизвестно откуда, и про-

гнали их... Вы тоже хулиган? Нет, не похожи. Кем вы работаете, Павел? Я ведь не ошиблась – вы не местный?

– Из столицы, – скромно объяснил Болдин. – Временно проживаю в Плиевске, где... как бы это выразиться поточнее... консультирую правоохранительные органы по некоторым запутанным вопросам.

– Блестяще! – восхитилась Алена. – Так доступно все объяснили, что я ничего не поняла. Ладно, не хотите говорить, не говорите. Вы умеете драться – это хорошо. Но мало. Головой вы работаете так же эффективно, как руками?

«Не слишком ли быстро я еду?» – задумался Павел и сбросил скорость.

Алена оказалась общительной. Волнение прошло, она успокоилась, зашебетала. Не слишком ли медленно едет Павел? Плохая дорога закончилась, под колесами ровный асфальт. Но ладно, ему виднее. В следующем году Алена окончит пятый курс института, есть желание пойти учиться в школу ДОСААФ, чтобы изучить устройство автомобиля и получить водительские права. Собственной машины пока нет, но какие ее годы? Она рассказывала о себе, Павел слушал, ловя себя на мысли, что не хочет, чтобы Алена замолкала. Девушке недавно исполнился 21 год, учится в смоленском политехе по специальности «автоматизация производственных процессов». Специальность не совсем женская, но интересная, а за автоматизацией – будущее, если он не знал. Студентка активная, учится на четверки и пя-

терки, занимается физкультурой и спортом, комсорг группы. Предлагали стать комсоргом потока, но это гигантская ответственность и мало времени на учебу. Нужно выпуститься через год, получить хорошую работу по распределению.

К вопросу, что она забыла в этой дыре... «Ах да», – Алена засмеялась. Живет она в Смоленске, в историческом центре города, в двух шагах от института. Мама умерла много лет назад (мрачные события на миг омрачили привлекательное личико), в Смоленске проживает тетушка, которая пустила к себе племянницу на время учебы. А в Плиевске живет и работает отец Алены, к которому она приезжает каждое лето, а также под Новый год и на майские праздники. Скукота здесь смертная... Но надо выполнять свой дочерний долг. Отец у нее добрый, правда, очень занятой, возвращается с работы поздно, поэтому в дневное время Алена предоставлена сама себе. Друзьями не обзавелась, возится в саду, читает книжки (штук по двадцать за сезон), наводит порядок в доме. Каждый день совершает вылазки на велосипеде. Сегодня увлеклась, соседка Валерия Ильинична – местный краевед и весьма интеллигентная женщина – рассказала, что к востоку от города есть очень красивое озеро (не Лебязье, там она бывала десятки раз), туда обязательно надо съездить. На отца рассчитывать бессмысленно, где сядешь, там и слезешь, вот и решила совершить одиночное путешествие. Озеро действительно обалденное, но обратная дорога оказалась сущим адом. Плутала между заброшенными карьерами, спа-

салась бегством от стаи бродячих собак, чуть не провалилась колесом в какую-то древнюю шахту...

– А вы авантюристка, – подметил Павел. – Настолько нечем заняться, что пускаетесь в такие сомнительные предприятия?

– Нет, это неправда, у меня масса дел, – возразила Алена. – Помимо перечисленного, надо освоить несколько учебников по моей специальности, чтобы легче было учиться в последние семестры. Я не поленилась, привезла их с собой. Но пока не нашлось времени заняться просвещением. Это трудно, весь год вникаешь, зубришь, потом еще сессия, практика на заводе... Единственный месяц в году, когда можно отдохнуть, забыть про учебу...

– Долго еще будете гостить у папеньки? – как бы между прочим осведомился Болдин.

– Полторы недели, – вздохнула Алена. – Погода портится, надо браться за голову... А вы, Павел?

– Не знаю.

– Какой хороший ответ, – восхитилась девушка. – Точный, лаконичный, емкий.

– А главное, правдивый, – проворчал Павел. – Не исключая, что пробуду в Плиевске гораздо дольше, чем планировал. Хотите совет, Алена? Не рассказывайте отцу о том, что сегодня с вами произошло. Человек он немолодой, может расстроиться. Или того хуже – посадит вас под замок, и будете жить затворницей в башне. Просто в дальнейшем прояв-

ляйте осмотрительность, не посещайте сомнительных мест и не знакомьтесь...

– ...С незнакомыми людьми, – приснула Алена. – Таки-ми, как вы, Павел. Хорошо, буду знакомиться только со знакомыми. Мы, кстати, уже приехали, через два дома будет мой. Вы неплохо ориентируетесь, даже не пришлось подсказывать.

Такое ощущение, будто улица Жемчужная находилась в сельской местности. Зеленели сады, за глухими заборами высились черепичные крыши. У проживающих здесь людей имелись приусадебные участки. Вдоль проезжей части выстроилась акация. Место было приятное. Папа Алены был, очевидно, не пролетарского сословия. Но расспросить об отце, к сожалению, не удалось. На площадке между участками стояло несколько машин. Павел остановился у дощатого коричневого забора. В нижней части ограды выделялась калитка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.